

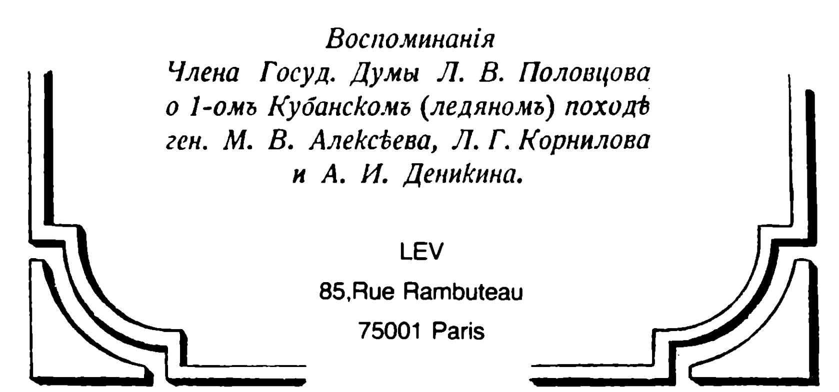
Воспоминанія
Члена Госуд. Думы Л. В. Половцова
о 1-омъ Кубанскомъ (ледяномъ) походѣ
ген. М. В. Алексѣева, Л. Г. Корнилова
и А. Й. Деникина.

Издательство
ЛЕВ

Рыцари Терноваго Вѣнца.

РЫЦАРИ ТЕРНОВАГО ВѢНЦА

*Воспоминанія
Члена Госуд. Думы Л. В. Половцова
о 1-омъ Кубанскомъ (ледяномъ) походѣ
ген. М. В. Алексѣева, Л. Г. Корнилова
и А. И. Деникина.*

LEV
85,Rue Rambuteau
75001 Paris

Типографія Грюнхутъ и Ко. Прага V.

РЫЦАРИ ТЕРНОВАГО ВѢНЦА *).

I.

РАЗРУХА и НѢМЦЫ.

Конецъ октября 1917 г.

Зимній дворецъ въ Петроградѣ палъ, подъ натискомъ большевиковъ, а съ нимъ вмѣстѣ исчезла и послѣдняя, quasi-законная, власть въ Россіи. Правительство Керенскаго сдалось на милость Ленина и Троцкаго.

Бѣшеная оргія убійствъ, грабежей и неслыханныхъ издѣвательствъ надъ человѣческой личностью сопровождала торжество побѣдителей.

Сопротивленія не было.

Геройскія выступленія военной молодежи въ Петроградѣ и въ Москвѣ кончились полнымъ разгромомъ. Никто не поддержалъ, а начальство только предавало.

---

*) Примѣч. Приказомъ Добровольческой арміи 1918 г. №499 былъ установленъ для участниковъ 1-го кубанскаго похода особый „знакъ отличія"-мечъ въ Терновомъ Вѣнцѣ. Знакъ носится на груди: 1-й степени-на георгіевской и 2-й ст.-на владимірской лентахъ.

Русская интеллигенція, столько лѣтъ мечтавшая о революціи, въ ужасѣ спряталась по угламъ. Только теперь познала она, что ея розовыя мечты о „безкровнѣйшей въ мірѣ революціи“ были мечтами неопытной институтки.

Армія превратилась въ толпу разбойниковъ, грабившихъ и безсмысленно разрушавшихъ все и вся на своемъ послѣднемъ походѣ „домой“.

Лучшіе генералы и офицеры, остававшіеся еще въ арміи, или убиты, или арестованы въ ожиданіи суда и убійства. Большинство—бѣжало, и имъ удалось скрыться въ скромныхъ профессіяхъ извозчиковъ, грузчиковъ на желѣзныхъ дорогахъ и рабочихъ на фабрикахъ.

Предпарламентъ разогнанъ большевиками самымъ безцеремоннымъ способомъ.

Исчезло всякое понятіе о правѣ и нравственности. Судъ превратился въ комедію съ трагическимъ окончаніемъ. Неслыханный произволъ воцарился въ странѣ, и никто не зналъ, какой ужасъ ожидаетъ завтра его или его близкихъ.

Убивали всѣхъ, кто чѣмъ-нибудь выдавался изъ толпы.

Это было организованное истребленіе всѣхъ лучшихъ силъ русской интеллигенціи. Убивали инженеровъ, но не тѣхъ, кто дурно обращался

съ рабочими, или чѣмъ-нибудь проявлялъ свою контрреволюціонность, убивали самыхъ способныхъ. Хватали профессоровъ наиболѣе выдающихся. Арестовывали и потомъ убивали фабрикантовъ и купцовъ самыхъ предпріимчивыхъ.

Большевикамъ, а главное ихъ антрепренерамъ-нѣмцамъ, нужна была лишь безсмысленная толпа рабовъ. Только надъ рабами могли властвовать невѣжественные демагоги, и только послушные рабы представляли для нѣмцевъ величайшую въ мірѣ добычу.

Колоссальныя естественныя богатства Россіи, Россіи безъ интеллигенціи, попали бы на вѣкъ въ безконтрольную власть нѣмцевъ.

Вотъ, какъ мечтали они вознаградить себя за всѣ протори и убытки ужасной войны.

Нѣмцы предполагали повторить въ Россіи то, что они продѣлали когда-то съ чехами. Во время упорной борьбы съ ними, въ началѣ новыхъ вѣковъ, нѣмцы истребили въ Чехіи поголовно все дворянство, духовенство и крупную буржуазію, т. е. все, что стояло выше толпы по своему умственному развитію и матеріальному благосостоянію. Чехія была раззорена, обезглавлена, и цѣлые вѣка она не могла освободиться отъ нѣмецкаго рабства.

То-же самое грозило и Россіи. Истребить интеллигенцію и перекачать въ Германію русскія богатства.

Брестскій договоръ былъ только первымъ актомъ этой антрепризы, а русскій золотой запасъ уже полился широкой струей въ Германію.

Ничто, казалось, не могло помѣшать этому ужасному плану разграбленія богатѣйшей въ мірѣ страны.

II.
ДОНСКАЯ ОБЛАСТЬ. ГЕН. АЛЕКСѢЕВЪ.

Большевизмъ огнемъ и кровью заливалъ всю Россію; его волны докатились и до Донской области, далекой, отъ центра государства.

Здѣсь большевистскія вѣрованія воспринимались также съ большой готовностью, но только городскимъ населеніемъ и частью сельскаго—не-казачьяго.

Громадное большинство казаковъ относилось къ большевизму отрицательно. Ни войсковой кругъ, ни первый выборный войсковой атаманъ ген. Калединъ не признали большевистскаго правительства и объявили Донскую область самостоятельной частью Русскаго государства.

Сюда, на Донъ, подъ защиту казачьей автономіи, и спаслась часть русской интеллигенціи, не желавшая подчиниться варварскому игу большевиковъ.

Съ ужасомъ смотрѣли они на безпощадное разрушеніе русской государственности и въ полномъ отчаяніи не видѣли выхода изъ страшной бездны, въ которую ринулась Россія.

Въ началѣ ноября 1917 г. въ Новочеркасскѣ, столицѣ донского казачества, появился скромно одѣтый, преклоннаго возраста, господинъ въ очкахъ, съ видомъ профессора. Господинъ этотъ о чемъ-то хлопоталъ, его видѣли постоянно у атамана; онъ собиралъ у себя военную молодежь и бесѣдовалъ съ офицерами.

По городу ходили разные слухи о какомъ-то заговорѣ; разсказывали, что Донъ идетъ на Москву, чтобы положить конецъ издѣвательствамъ надъ Россіей; называли даже разныхъ походныхъ атамановъ, которые, якобы, уже назначены.

Черезъ нѣсколько дней дѣло разъяснилось. Этотъ господинъ оказался генераломъ Михаиломъ Васильевичемъ Алексѣевымъ, бывшимъ начальникомъ штаба Императора Николая II, а впослѣдствіи верховнымъ главнокомандующимъ русской арміи при временномъ правительствѣ.

Ген. Алексѣевъ, ближе всѣхъ видѣвшій ужасные результаты разложенія арміи, еще при временномъ правительствѣ предпринималъ всевозможныя мѣры къ возсозданію арміи. Но всѣ его попытки въ этомъ направленіи и въ Петроградѣ и на Московскомъ совѣщаніи остались безъ результата.

Между тѣмъ онъ ясно сознавалъ, какое тяжелое будущее предстоитъ Россіи, если она такъ печально и позорно нарушитъ свои обязательства передъ союзниками въ міровой борьбѣ. Онъ уже не мечталъ объ активныхъ операціяхъ, но думалъ, что и при ничтожномъ сопротивленіи со стороны Россіи нѣмцы будутъ крайне затруднены на западномъ своемъ фронтѣ.

Послѣ разгона предпарламента ген. Алексѣевъ убѣдился въ томъ, что всѣ легальные способы борьбы безплодны. Но, несмотря на всю свою усталость и болѣзни, онъ не сдалъ еще своихъ позицій. Чего нельзя было добиться законнымъ путемъ, то, казалось ему, возможно сдѣлать иначе. Онъ думалъ, что не все еще потеряно.

Если большевистская Россія уже примирялась съ нѣмцами и если прежней русской оффиціальной арміи не существовало, то нужно было создать иную армію и съ ней продолжать войну съ нѣмцами, во что бы то ни стало.

Ген. Алексѣевъ рѣшилъ образовать новую армію на особыхъ началахъ. Онъ задумалъ созвать на Донъ всѣхъ, кто пожелалъ бы служить родинѣ добровольно.

Эта добровольческая армія должна была организоваться, при помощи союзниковъ, въ ка-

зачьихъ областяхъ, на Дону, на Кубани и на Терекѣ. Получивъ здѣсь надлежащее снабженіе, армія могла двинуться на западъ, чтобы остановить безпрепятственное шествіе нѣмцевъ.

Союзнымъ представителямъ планъ ген. Алексѣева казался вполнѣ исполнимымъ и они обѣщали оказать полное содѣйствіе, конечно, только съ финансовой стороны. Въ то время Донская область была отрѣзана отъ союзныхъ государствъ, такъ какъ Дарданеллы находились еще въ рукахъ враждебной Турціи. Черное море было заперто, да къ тому же и русскій военный флотъ захватили большевики. Поэтому никто и не мечталъ о помощи, со стороны союзниковъ, путемъ снабженія арміи вооруженіемъ, военными припасами, обмундированіемъ и т. п. Все это армія должна была добыть сама на мѣстѣ или силой или за деньги,

Получивъ отъ союзниковъ твердое обѣщаніе оказать арміи возможно скорую помощь деньгами, и заручившись согласіемъ донского атамана ген. Каледина, ген. Алексѣевъ выработалъ планъ добровольческой организаціи и немедленно приступилъ къ его выполненію.

Ближайшими сотрудниками ген. Алексѣева были въ то время: его адъютантъ рот. Шапронъ,

начальникъ штаба полк. Веденяпинъ, подп. Лисовой и кап. Шатиловъ; начальникъ строевой части бѣжавшій изъ Быховской тюрмы ген. инф. И. Г. Эрдели; начальникъ хозяйственной части — членъ Госуд. Думы Л. В. Половцевъ; по политическимъ вопросамъ — членъ Госуд. Думы Н. Н. Львовъ, С. С. Щетининъ и А. А. Ладыженскій.

Въ Ростовѣ и Таганрогѣ работалъ предсѣдатель общества заводчиковъ и фабрикантовъ В. А. Лебедевъ.

Для сбора добровольцевъ съ фронта въ Кіевѣ была создана особая организація, во главѣ которой стоялъ ген.-кав. А. М. Драгомировъ и членъ Госуд. Думы В. В. Шульгинъ.

На первый призывъ ген. Алексѣева отозвалось около 50 офицеровъ и юнкеровъ, бѣжавшихъ въ Новочеркасскъ изъ Петрограда и Москвы послѣ октябрьскихъ стычекъ съ большевиками. Изъ нихъ были составлены кадры первыхъ воинскхъ частей: офицерскаго и юнкерскаго баталіоновъ.

Прибывали добровольцы и изъ сосѣднихъ мѣстностей—оборванные, безъ бѣлья, безъ сапогъ, въ какихъ-то опоркахъ. Ихъ надо было размѣстить, одѣть, обуть и кормить; а денегъ было мало.

Получивъ самыя широкія обѣщанія денегъ со стороны различныхъ общественныхъ организацій въ Москвѣ и Петроградѣ, ген. Алексѣевъ приступилъ къ выполненію своего плана, имѣя въ карманѣ 10.000 руб., занятыхъ имъ у частнаго лица. На эти 10.000 руб. и жили нѣсколько дней кадры будущей арміи.

Постепенно стали поступать въ кассу мѣстныя пожертвованія, но въ ничтожныхъ размѣрахъ. Наконецъ наступилъ моментъ, когда стало яснымъ, что завтра надо бросить все дѣло, потому что денегъ больше нѣтъ.

Помочь дѣлу рѣшили сами добровольцы. Наиболѣе состоятельные изъ нихъ, не имѣя сами наличныхъ денегъ, воспользовались своими кредитоспособными именами и выдали векселя. По учетѣ векселей, при содѣйствіи Н. Н. Львова, въ мѣстныхъ банкахъ получилась сумма около 350.000 руб., которые и спасли дѣло на нѣкоторое время.

Одному Богу извѣстно, какіе мучительные часы переживали Алексѣевъ и его сотрудники въ это время.

Поставивъ на карту все — и доброе имя и жизнь и все свое прошлое, увидавъ полную возможность осуществленія своей мечты о ве-

ликомъ дѣлѣ, ген. Алексѣевъ могъ оказаться въ самомъ ужасномъ положенiи.

Вѣдь отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ. А развѣ не смѣшно было бы для бывшаго верховнаго главнокомандующаго собрать армiю — въ 50 чел. и затѣмъ распустить ее

Но ген. Алексѣева эта мысль не пугала. Онъ хлопоталъ, просилъ, умолялъ и, хотя съ величайшими затрудненiями, но армiя создавалась и увеличивалась.

III.

КАЗАКИ И ЗАПАСНЫЕ ПѢХОТНЫЕ ПОЛКИ.

Въ самомъ началѣ будущая армія организовывалась тайно. Совѣщанія созывались въ частныхъ домахъ, приказы передавались изъ рукъ въ руки.

Тѣмъ не менѣе скрыть отъ нѣмецкихъ шпіоновъ даже зародышъ будущихъ организацій не удалось. Нѣмцы поняли сразу всю серьезность дѣла и немедленно приняли свои мѣры, а послушные имъ большевики провели эти мѣры въ жизнь.

Прежде всего, среди донскихъ казаковъ была поведена самая широкая агитація съ цѣлью дискредитировать въ ихъ глазахъ добровольческую армію. Казакамъ внушалось, что армія эта создается совсѣмъ не для борьбы съ нѣмцами, а для возстановленія монархической власти въ Россіи, для уничтоженія всѣхъ свободъ, пріобрѣтенныхъ народомъ.

Эта агитація, подкрѣпленная раздачей громадныхъ денежныхъ суммъ, имѣла очень большой

успѣхъ. Казаки относились къ добровольцамъ недружелюбно.

Для организаціи воинскихъ частей необходимы были помѣщенія, — но ихъ не давали. На помощь пришелъ союзъ городовъ. Создали фикцію, что всѣ собравшіеся офицеры и юнкера— слабосильная команда, выздоравливающіе, требующіе ухода, а потому для нихъ и отвели общественные лазареты.

Атаманъ Калединъ, искренне сочувствовавшій идеѣ добровольческой арміи, приказалъ выдать оружіе и патроны добровольцамъ, но его приказанія не исполнялись.

Молодежи отцы ихъ безусловно запрещали вступать въ ряды арміи и лишь немногимъ казакамъ удалось тайкомъ бѣжать къ добровольцамъ.

Особый успѣхъ эта агитація имѣла среди не казачьихъ воинскихъ частей, находившихся въ Донской области. Два пѣхотныхъ запасныхъ полка были расположены подъ самымъ Новочеркасскомъ, четыре таковыхъ же въ 40 верстахъ, въ г. Ростовѣ и 3 — въ Таганрогѣ.

Полки эти получили приказаніе отъ большевиковъ немедленно уничтожить зачатокъ арміи. Конечно, будь полки въ порядкѣ, а не такъ

деворганизованы, какъ была дезорганизована вся русская армія, имъ не стоило бы никакого труда, въ одинъ часъ, искрошить кучку офицеровъ и юнкеровъ, собравшихся въ Новочеркасскѣ.

Произошло же на самомъ дѣлѣ обратное.

Пока солдаты собирались на митинги и безконечно спорили о томъ, какъ произвести нападеніе на буржуевъ, атаманъ Калединъ, какъ командующій войсками въ области, отдалъ приказъ — расформировать всѣ запасные полки, расположенные въ Донской области, и отправить солдатъ по домамъ.

Въ подкрѣпленіе приказа на Хутунокъ, мѣсто расположенія двухъ полковъ подъ Новочеркасскомъ, демонстративно были наведены орудія и пулеметы, подъ прикрытіемъ добровольцевъ, число которыхъ не превышало тогда 600 чел.; и 10.000 пѣхоты сдались; безпрекословно исполнили они приказъ атамана, — разъѣхались въ два, три дня изъ Донской области.

Не такъ просто обошлось дѣло съ разоруженіемъ четырехъ полковъ, расположенныхъ въ Ростовѣ. Солдаты не только не исполнили приказа атамана, но, при содѣйствіи прибывшаго въ Ростовъ отряда черноморскихъ матросовъ, сами

напали на казачьи части, стоявшія въ городѣ; послѣ краткой борьбы казаки сдались и разоружились.

Упоенные успѣхомъ большевики рѣшили атаковать Новочеркасскъ.

Это былъ тяжелый моментъ. Добровольцевъ было только 600 чел. Съ другой стороны наступало около 15.000 солдатъ, прекрасно вооруженныхъ и снабженныхъ, съ артиллеріей и пулеметами.

Сопротивленіе казалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что офицеры и юнкера только что прибыли въ Новочеркасскъ, не отдохнули, не сорганизовались въ воинскія части; они не были ни одѣты, какъ слѣдуетъ, ни обуты, съ разнокалибернымъ оружіемъ, нахватаннымъ кое-гдѣ и кое-какъ.

Казачьи части были ненадежны и въ дѣйствительности почти не принимали участія въ бояхъ.

2 ноября ген. Алексѣевъ началъ собирать около себя офицеровъ и юнкеровъ, а 26 ноября эта кучка воиновъ уже дралась подъ ст. Кизитеринкой, въ 15 верстахъ отъ Ростова съ непріятелемъ, въ 25 разъ сильнѣйшимъ.

Но добровольцы были воодушевлены идеей, —

идеей возсозданія своей родины, возстановленія ея попранной военной мощи; на другой же сторонѣ дѣйствовало только приказаніе, невѣдомо кѣмъ отдаваемое; тамъ была апатія и полная дезорганизація; отсутствовало какое-либо желаніе подвергать себя зачѣмъ-то излишней опасности.

IV.

ПЕРВЫЙ БОЙ. КАЗАЧЬЕ ИНТЕНДАНТСТВО. ГЕН. НАЗАРОВЪ.

Первый бой подъ Кизитеринкой оказался нерѣшительнымъ.

Хотя добровольцы и продвинулись впередъ подъ Нахичевань, но посланные совмѣстно съ ними казачьи части дѣйствовали вяло и неопредѣленно. Наступленіе прекратилось. Надо было хотя бы удержать занятыя позиціи, но это было очень трудно. Врагъ былъ впереди, но не друзья были и сзади; не разъ свистали надъ добровольцами пули, летѣвшія со стороны казачьихъ частей.

Подвоза патроновъ не было, а на другой день добровольцы не получили даже пищи.

Произошло это благодаря полной бездѣятельности казачьихъ артиллерійской и интендантской частей.

Передъ выступленіемъ изъ Новочеркасска, по соглашенію атамана съ ген. Алексѣевымъ, все снабженіе отрядовъ, казачьихъ и добровольческаго, возложено было на казачьи учрежденія.

Не особенно довѣряя казакамъ, начальникъ хозяйственной части добровольческой арміи приказалъ выдать добровольцамъ усиленный дневной запасъ пищевыхъ продуктовъ, почему добровольцы и были сыты хотя первый день. Казакамъ же не привезли ничего. Интенданты еще переписывались.

Лишь вечеромъ добрался до Новочеркасска посланный атаманомъ изъ Кизитеринки полк. Карповъ, который долженъ былъ экстренно организовать снабженіе отрядовъ.

Не получивъ отъ интендантовъ ничего, кромѣ обѣщаній, онъ, въ отчаяніи, обратился за помощью къ одной изъ мѣстныхъ дамъ, имѣвшей репутацію энергичнаго организатора.

Генеральша немедленно, по телефону, созвала совѣщаніе изъ оставшихся въ городѣ чиновъ добровольческаго штаба и другихъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу. Члены совѣщанія распредѣлили между собой роли, кто купитъ хлѣбъ, кто сало, кто чай и сахаръ, а кто повезетъ патроны, и на другой день къ вечеру все уже оказалось на позиціяхъ.

Тѣмъ временемъ на фронтѣ положеніе становилось весьма серьзнымъ. Обозначилось фланговое движеніе противника, угрожавшее отрѣзать добровольческій отрядъ отъ Новочеркасска.

Въ виду бездѣйствія казачьихъ частей, противникъ наступалъ свободно, добровольцамъ угрожала гибель.

Отстрѣливаясь направо и налѣво, отрядъ въ теченіе трехъ дней не сдаетъ, однако, своихъ позицій и стойко отбиваетъ атаки непріятеля.

Но вотъ засвистали пули и съ тыла.

Обошли. Отступленія нѣтъ.

— Умирать, такъ умирать съ честью, — рѣшили добровольцы и бросились въ послѣднюю смертельную атаку на непріятеля.

Буря огня несется имъ навстрѣчу. Не добѣжать до штыкового удара, всѣ полягутъ.

Но вдругъ огонь противника стихаетъ ; въ цѣпяхъ его видно какое-то смятеніе.

— Бумъ, бумъ — слышится въ тылу красныхъ и надъ ихъ резервами рвутся шрапнели неизвѣстнаго происхожденія.

Всѣ въ недоумѣніи.

Добровольцы удваиваютъ усилія.

Непріятель оступаетъ, а потомъ обращается въ паническое бѣгство. Добровольцы преслѣдуютъ солдатъ по пятамъ и врываются въ Ростовъ; но союзникъ ихъ не видимъ и лишь снаряды, летящіе съ таганрогской дороги, свидѣтельствуютъ, что тамъ стоитъ какая-то часть.

Между тѣмъ солдаты запасныхъ полковъ, добѣжавъ до своихъ казармъ, бросили оружіе и объявили, что они сдаются.

Добровольцы и расхрабрившіяся казачьи части занимаютъ городъ, и наконецъ показывается и союзникъ, — г. м. Назаровъ съ двумя пушками и прислугой при нихъ изъ 50 чел., — офицеровъ, фельдшеровъ и гимназистовъ. Больше никого и ничего.

Оказалось, что ген. Назаровъ, бывшій въ Таганрогѣ, приказалъ мѣстнымъ казачьимъ частямъ выступить къ Ростову. Части не пошли, за исключеніемъ команды фельдшеровъ. Къ нимъ присоединились гимназисты и нѣсколько офицеровъ-артиллеристовъ. Они запрягли два орудія и два зарядныхъ яцика и пошли на помощь къ Каледину.

По дорогѣ къ Ростову Назаровъ увидалъ двигающійся вверхъ по Дону изъ Азовскаго моря отрядъ мелкихъ морскихъ судовъ съ черноморскими матросами, которые шли на помощь къ своимъ товарищамъ, возбудившимъ возстаніе въ Ростовѣ.

Укрывшись въ ложбинкѣ, ген. Назаровъ открываетъ бѣглый огонь изъ своихъ орудій. Одно судно тонетъ, другія, отстрѣливаясь отъ не-

видимаго непріятеля, поворачиваютъ и спѣшно спускаются къ морю. Назаровъ преслѣдуетъ ихъ мѣткимъ огнемъ.

Прогнавъ моряковъ, онъ спѣшитъ къ Ростову. Узнавъ о положеніи дѣлъ здѣсь, онъ немедленно открываетъ огонь по непріятелю.

Его орудія дѣйствуютъ съ невѣроятной быстротой. Мѣняя позиціи одну за другой, два орудія производятъ впечатлѣніе чуть ни нѣсколькихъ батарей и непріятель ошеломленъ.

Солдаты знали навѣрное, что серьезнаго врага передъ ними не болѣе 600 штыковъ, а потому и наступали бойко. Но оказалось, что и эти кусаются. А тутъ еще какіе-то союзники съ артиллеріей. Считая себя окруженными, солдаты потеряли духъ и сразу ударились въ панику.

Послѣ боя подъ Ростовомъ разошлись по домамъ и три запасныхъ полка, стоявшіе въ Таганрогѣ.

V.
СНАБЖЕНІЕ АРМІИ.

Армія увеличивалась числомъ, но теперь уже медленно. Большевики приняли всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать проѣзду добровольцевъ на Донъ. По всѣмъ станціямъ желѣзныхъ дорогъ были размѣщены особыя команды, производившія день и ночь обыски пассажировъ.

На ст. Волноваха задержанъ былъ пор. Николаевъ. При обыскѣ у него нашли зашитымъ въ фуражкѣ офицерскій билетъ.

Участь Николаева была рѣшена — на разсвѣтѣ разстрѣлять.

На ночь его, вмѣстѣ съ пятью другими обреченными, помѣстили въ сарай. Кромѣ наружнаго часового въ сарай поставили еще другого внутри у дверей.

Черезъ часъ второй часовой начинаетъ дремать.

Николаевъ тихонько подкрадывается къ нему. Выждавъ моментъ, когда наружный часовой отходитъ отъ двери, Николаевъ бросается на дрем-

лющаго и душитъ его. Винтовка валится на землю и ее подхватываетъ другой офицеръ.

Услыхавъ шумъ, наружный часовой окликаетъ товарища. Офицеръ отвѣчаетъ за него. Чуя что-то недоброе, солдатъ откидываетъ затворъ, пріотворяетъ дверь и, безъ звука, падаетъ, пораженный штыкомъ въ грудь.

Офицеры скрываются въ темнотѣ и всѣ шестеро благополучно прибываютъ въ Новочеркасскъ.

Но не всѣ такъ счастливо отдѣлываются и сотни офицеровъ заплатили своей жизнью за попытку пробраться на Югъ. Тѣмъ не менѣе, и пѣшкомъ, и на лошадяхъ, и съ казачьими эшелонами, возвращавшимися съ фронта, добровольцы прибывали въ армію.

Образовались новыя войсковыя части; къ прежнимъ офицерскому и юнкерскому баталіонамъ прибавились: георгіевскій баталіонъ, второй офицерскій баталіонъ и кавалерійскій дивизіонъ.

Для хозяйственной части арміи настали трудные дни. Денегъ было мало и надо было беречь ихъ какъ зѣницу ока. Но добровольцевъ надо и одѣть и кормить и вооружить.

Между тѣмъ въ хозяйственную часть никто

изъ добровольцевъ не шелъ. Были среди нихъ и пожилые штабъ-офицеры, были и спеціалисты, завѣдывавшіе ранѣе хозяйственными частями, но всѣ шли въ строй, простыми рядовыми и не соблазнялись тыловыми мѣстами.

— Мы пришли драться, а не бобы разводить, — говорили старики полковники и шли въ роты подъ команду молодыхъ оберъ-офицеровъ, военнаго времени.

Это былъ первый призывъ добровольческой арміи, это были убѣжденные люди, искавшіе не карьеры, а стремившіеся исполнить свой долгъ передъ родиной.

На помощь хозяйственной части пришли жены добровольческихъ вождей и городскія дамы.

Съ утра до вечера бѣгали онѣ по городу, собирали бѣлье, одежду, обувь, скупали, торгуясь до хрипоты, на базарахъ теплые носки и перчатки, и вообще оказывали колоссальныя услуги арміи въ хозяйственной ея жизни. Но, несмотря на всѣ усилія, дѣло обмундированія арміи подвигалось медленно, такъ какъ главное, а именно казенное имущество, захватывали казаки и лишь случайно попадало оно въ руки добровольцевъ.

Съ помощью дамъ были устроены и лазаре-

ты, въ которыхъ онѣ же служили и сестрами и сидѣлками, конечно, безвозмездно.

Не мало трудностей пришлось испытать и съ вооруженіемъ арміи.

Послѣ перваго боя подъ Ростовомъ начальникъ хозяйственной части распорядился собрать винтовки и патроны, оставшіеся на мѣстахъ столкновеній съ непріятелемъ; все это собрали, но казаки взяли въ свои склады, и ничего не выдали добровольцамъ.

Пришлось прибѣгать къ нелегальнымъ способамъ: подкупили въ ту же ночь другихъ казаковъ, охранявшихъ транспортъ оружія на станціи, и увезли цѣлый вагонъ новыхъ винтовокъ, не бывшихъ въ употребленіи.

Тяжело было добровольцамъ безъ артиллеріи. Кадры были въ готовности, въ видѣ остатковъ юнкеровъ Михайловскаго и Константиновскаго артиллерійскихъ училищъ.

У казаковъ были запасныя батареи и ген. Калединъ приказалъ передать ихъ добровольцамъ, но казаки отказались выдать орудія.

Въ это время въ арміи были получены свѣдѣнія о томъ, что въ сосѣднюю съ Донской областью Ставропольскую губернію прибыла 39-я пѣхотная дивизія, самовольно оставившая кав-

казскій фронтъ. Вмѣстѣ съ дивизіей пришла и артиллерійская бригада. Бригада была расположена на самой границѣ Донской области. Части эти были дезорганизованы, охраны казеннаго имущества почти не было, караулы не держались.

Между тѣмъ юнкера артиллеристы не знали покоя ни днемъ, ни ночью, мечтая добыть себѣ пушки. А тутъ, подъ бокомъ, въ какихъ-нибудь 200 верстахъ безхозяйныя орудія.

Не вытерпѣли. Собралось 25 офицеровъ и юнкеровъ, достали лошадей и отправились за добычей.

Въ темную ночь безшумно вошли добровольцы въ с. Лежанку, гдѣ стояла батарея. Окружили мѣсто расположенія орудій и подняли обезумѣвшую отъ неожиданности прислугу; подъ наведенными революьверами приказали запречь одно орудіе и два зарядныхъ ящика, полныхъ снарядами, и ускакали, вмѣстѣ съ ѣздовыми большевиками.

Пока въ Лежанкѣ разобрались, что произошло, и пока снарядили погоню, наши молодцы проскакали уже верстъ 20 и, свернувъ съ дороги, въ степь затаились. Погоня промчалась мимо, а добровольцы другой дорогой, быстрымъ

ходомъ, ушли на Донъ и благополучно привезли свою добычу въ Новочеркасскъ, къ несказанной радости своихъ сотоварищей.

VI.

ГЕН. Л. Г. КОРНИЛОВЪ.

6 декабря въ Новочеркасскъ прiѣхалъ ген. Лавръ Георгiевичъ Корниловъ.

Назначенный, при временномъ правительствѣ, верховнымъ главнокомандующимъ русской армiей ген. Корниловъ, къ ужасу своему, убѣдился въ невозможности продолжать войну съ нѣмцами. Полная дезорганизацiя армiи была неотвратима въ виду непрерывной агитацiи большевизма. Всѣ самыя строгiя мѣры по возстановленiю дисциплины были безплодны, т. к. агитацiя дѣлала свое разрушительное дѣло, а правительство не предпринимало никакихъ мѣропрiятiй къ прекращенiю этой разрушительной работы съ тыла. Правительство само боялось большевиковъ и не рѣшалось на открытую борьбу съ ними.

Наконецъ первый министръ Керенскiй пришелъ къ полному тупику; онъ ясно увидѣлъ, что завтра будетъ покончено и съ нимъ, т. е. большевики захватятъ въ свои руки всю власть.

Настойчивыя указанiя ген. Корнилова на не-

обходимость силой водворить порядокъ въ государствѣ теперь подѣйствовали на Керенскаго и онъ предоставилъ генералу свободу дѣйствій.

Ген. Корниловъ, совершивъ необходимыя приготовленія, въ августѣ 1917 г. двинулся съ арміей на столицу и его передовыя части уже подходили къ Петрограду.

Въ этотъ моментъ Керенскій опять струсилъ и правительство объявило Корнилова бунтовщикомъ. Эта измѣна такъ подѣйствовала на Корнилова, что онъ пробылъ нѣсколько дней въ нерѣшительности, ожидая разъясненія, какъ казалось ему, какого-то недоразумѣнія. Нерѣшительность погубила все дѣло. Его предали всѣ и Керенскій посадилъ Корнилова, въ ожиданіи суда, въ Быховскую тюрьму.

Этого времени Корниловъ даромъ не потерялъ. Совмѣстно съ нимъ сидѣли въ заключеніи лучшіе генералы русской арміи, изъявившіе полную съ нимъ солидарность. Тамъ обдумывались планы созданія новой Россіи, просматривались прежнія ошибки и создавались новыя комбинаціи. Съ ген. Алексѣевымъ поддерживались постоянныя сношенія.

Наконецъ былъ придуманъ планъ освобожденія изъ Быхова. Планъ удался. Ген. Корниловъ,

переодѣтый текинцемъ, оказался за стѣнами тюрьмы.

Со всѣхъ сторонъ помчалась за нимъ погоня, но текинскіе кони уносили все дальше и дальше будущаго вождя добровольцевъ. Ген. Корниловъ испыталъ цѣлый рядъ приключеній и наконецъ въ теплушкѣ вмѣстѣ съ большевистскими солдатами благополучно прибылъ на казачью территорію.

Около этого же времени пробрались на Донъ подъ видомъ мастеровыхъ, торговцевъ и т. п. и другіе быховскіе сидѣльцы — генералы. Ген. С. Л. Марковъ прибылъ въ такомъ непригляднномъ видѣ, что его, сначала, даже не пустили въ офицерское общежитіе, не вѣря, что онъ бывшій офицеръ, а тѣмъ болѣе генералъ.

18 декабря состоялся первый военный совѣтъ арміи и ген. Алексѣевъ изложилъ собравшимся свои планы и что имъ сдѣлано для ихъ выполненія.

Армія состояла тогда изъ 1.500 чел., вооруженныхъ уже однообразнымъ оружіемъ, русскими трехлинейками, съ 200 патроновъ на винтовку. Артиллерію представляло одно орудіе. Обмундированіе не было единообразнымъ, но каждый доброволецъ былъ одѣтъ и обутъ. Ме-

дицинская часть была значительно пополнена благодаря санитарному поѣзду Императрицы Александры Феодоровны; этотъ поѣздъ подогналъ къ Ростову, какимъ-то искусснымъ маневромъ А. И. Гучковъ. Запасовъ для дальнѣйшаго формированія не было никакихъ. Не было и главнаго — денегъ, такъ какъ союзники не исполнили своего обѣщанія.

Ген. Корниловъ, выслушавъ докладъ, заявилъ: — Такой арміи я не принимаю, — и ушелъ изъ засѣданія совѣта.

Это былъ тяжелый ударъ для ген. Алексѣева. Онъ работалъ не для себя; онъ боролся за общее дѣло.

Ген. Алексѣевъ понималъ, что во главѣ арміи долженъ быть человѣкъ желѣзной воли и популярный. Корниловъ обладалъ и тѣмъ и другимъ качествомъ. Его безпримѣрное мужество, проявленное въ бояхъ съ Германіей, его непреодолимыя наступленія, его чудесное спасеніе изъ австрійской тюрьмы, наконецъ, послѣднее бѣгство изъ Быхова сдѣлали имя его легендарнымъ. Такой генералъ могъ совершить чудеса. И въ самый рѣшительный моментъ, когда маленькая еще армія, уже доказала на дѣлѣ, что она стоитъ, — все заколебалось.

По счастью, минутная слабость Корнилова была только вспышкой, которая и потухла безслѣдно. Черезъ день стало извѣстнымъ, что Корниловъ принялъ на себя командованіе арміей, а ген. Алексѣевъ оставилъ за собой политическую и финансовую части.

VII.

ОРГАНИЗАЦІЯ АРМІИ.

Добровольческая армія въ началѣ января 1918 г. перешла въ Ростовъ на Дону и состояла къ тому времени уже изъ 4.000 чел.

Къ старымъ воинскимъ частямъ — 1-му и 2-му офицерскимъ, юнкерскому, георгіевскому баталіонамъ и кавалерійскому дивизіону, прибавились: Корниловскій ударный полкъ, остатки котораго, въ количествѣ около 200 офицеровъ и солдатъ, были приведены съ фронта кап. Нѣжинцевымъ, студенческій баталіонъ — изъ учащейся молодежи, морская рота — изъ морскихъ офицеровъ, гардемариновъ и кадетовъ, инженерная рота и чехо-словацкій инженерный баталіонъ — изъ плѣнныхъ чеховъ.

Всѣ эти части были сведены въ дивизію и во главѣ ихъ — старшимъ строевымъ начальникомъ — былъ поставленъ г.-л. А. И. Деникинъ; начальникомъ его штаба состоялъ г.-л. С. Л. Марковъ.

Увеличилась и артиллерія. Къ первому ору-

дію прибавилось еще четыре покупкой у казаковъ.

Тутъ былъ примѣненъ особый пріемъ. Нельзя было просто выложить деньги и получить пушки. Надо было предварительно войти въ компанію съ фронтовыми казаками, поговорить съ ними, попить вина и тогда только приступить къ дѣлу.

Для этой цѣли былъ командированъ особый спеціалистъ полковникъ N. Онъ пилъ съ казаками трое сутокъ, безъ просыпа, перепилъ ихъ всѣхъ и получилъ 4 орудія.

Въ послѣдовавшихъ вскорѣ бояхъ съ большевиками добровольцы добывали себѣ артиллерію и никогда болѣе въ орудіяхъ не нуждались. Число пушекъ въ арміи всегда согласовалось съ количествомъ снарядовъ, имѣвшихся въ артиллерійскомъ паркѣ. Прибывало снарядовъ, — добровольцы возили съ собой больше и орудій, взятыхъ у непріятеля, разстрѣливались запасы снарядовъ, что, къ сожалѣнію, случалось гораздо чаще, армія портила и бросала на дорогѣ излишнія орудія.

Одновременно измѣнялся и самый составъ батарей.

Недостатокъ снарядовъ и патроновъ былъ

хронической болѣзнью добровольческой арміи, хотя расходованіе ихъ и производилось прямо въ гомеопатическихъ дозахъ. Характернымъ въ этомъ отношеніи можетъ быть слѣдующій эпизодъ.

Послѣ ледяного похода ген. Деникинъ, на смотру въ столицѣ Мечетинской, замѣтилъ одного хорошо извѣстнаго ему по его доблести офицера изъ офицерскаго полка. Офицерскій полкъ былъ оплотомъ арміи: въ авангардныхъ бояхъ — полкъ впереди всѣхъ, въ аріергардныхъ — полкъ сзади послѣдней повозки обоза.

Ген. Деникинъ спросилъ, между прочимъ, этого офицера:

— Сколько патроновъ вы выпустили изъ своей винтовки за походъ?

— Восемь, — ваше высокопревосходительство.

Восемь патроновъ. Армія имѣла 35 боевъ, изъ которыхъ, можетъ быть, только въ пяти полкъ не участвовалъ.

Какъ же сражались?

Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя,
Богатыри — не вы.

Въ Ростовѣ помѣщался инженерный складъ,

изъ котораго и было выбрано соотвѣтствующее инженерное имущество.

Къ сожалѣнію нигдѣ не находили взрывчатыхъ веществъ, которыя такъ необходимы были для порчи желѣзно-дорожныхъ и мостовыхъ сооруженій.

Начальникъ инженерной части разослалъ своихъ офицеровъ по угольнымъ рудникамъ; они проникали туда переодѣтыми, подъ видомъ торговцевъ, и скупали у рабочихъ по фунтамъ динамитъ, взрывчатыя капсюли и шнуры.

Въ техническомъ отношеніи на помощь добровольцамъ пришли мѣстные инженеры, а также и нѣкоторые промышленники, во главѣ съ упомянутымъ выше В. А. Лебедевымъ.

Былъ образованъ особый военно-техническій штабъ. Въ этомъ штабѣ разработаны были проекты упрощенныхъ способовъ начинки снарядовъ и изготовленія патроновъ; приступили къ постройкѣ броневыхъ поѣздовъ; ремонтировали и выпустили въ исправности броневые автомобили; создавались проекты самыхъ примитивныхъ ангаровъ для аэроплановъ.

Первый аэропланъ былъ пріобрѣтенъ особымъ способомъ. Въ Таганрогѣ находился аэропланный заводъ В. А. Лебедева, попавшій, какъ

и всѣ заводы того времени, въ распоряженіе большевистскихъ организацій. При содѣйствіи владѣльца на заводъ поступили, въ качествѣ рабочихъ, два офицера летчики: Гурляндъ и Поповъ.

Проработавъ тамъ нѣсколько дней, офицеры собрали аэропланъ и предложили заводскому комитету провѣрить его сборку пробнымъ полетомъ. Тѣ согласились.

Аэропланъ сдѣлалъ кругъ надъ Таганрогомъ а затѣмъ, отсалютовавъ комитету, направился на востокъ и скоро скрылся изъ вида. Комитетъ пришелъ въ ярость, но крыльевъ у нихъ не было и первый аэропланъ благополучно спустился на лугъ около Хутунка, въ Новочеркасскѣ.

Съ пріѣздомъ быховскихъ генераловъ, людей знанія и опыта, организація арміи могла бы идти ускореннымъ темпомъ.

Начальникомъ штаба арміи былъ назначенъ опытный военный администраторъ г.-л. А. С. Лукомскій; къ сожалѣнію онъ вскорѣ былъ отправленъ съ особой миссіей въ Екатеринодаръ; тамъ кубанское казачье правительство успѣшно еще боролось съ большевистскимъ напоромъ черноморскихъ матросовъ, обосновавшихся въ

Новороссійскѣ. Необходимо было установить связь съ Кубанью.

Лукомскаго сопровождалъ г.-л. И. А. Ронжинъ. Оба они были перехвачены по дорогѣ большевиками, осуждены на смерть, но случайно спаслись и присоединились къ арміи послѣ ледяного похода.

Мѣсто Лукомскаго занялъ г.-м. И. П. Романовскій.

Дежурнымъ генераломъ назначенъ былъ г.-м. Трухачевъ.

Начальникомъ отдѣла снабженія состоялъ г.-л. Эльснеръ.

Начальникомъ артиллерійской части былъ пол. Мальцевъ; инженерной — членъ Гос. Думы Л. В. Половцовъ, а потомъ подпол. Селивановъ; санитарной — полковникъ, онъ же врачъ, В. П. Всеволожскій; интендантской — таврическій земецъ Н. Н. Богдановъ.

VIII.

НЕЙТРАЛЬНЫЕ ОФИЦЕРЫ. ОБОРОНА РОСТОВА.

Работа въ Ростовѣ кипѣла, но пополненіе арміи людскимъ составомъ происходило медленно.

Правда, въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ было еще много немобилизовавшихся офицеровъ, гулявшихъ по улицамъ и кутившихъ по ресторанамъ. Но это были случайные офицеры, у которыхъ не было ничего, ни воинскаго духа, ни гражданскаго самосознанія; они даже радовались, когда революція освободила ихъ отъ службы въ строю.

Въ армію пошли случайно попавшіе на Югъ сербскіе офицеры, плѣнные чехи, и беззавѣтно отдавали свою жизнь во имя общеславянскихъ идеаловъ; а эти мѣстные офицеры объявили себя нейтральными. Они думали, что такимъ отношеніемъ къ междуусобной борьбѣ они спасутъ свою жизнь, въ случаѣ побѣды большевиковъ.

Ихъ трусость была жестоко наказана. Всѣ, кто не умѣлъ хорошо укрыться, послѣ отхода

арміи изъ Ростова, были съ величайшими издѣвательствами убиты.

Такихъ оказалось, по счету большевиковъ, около трехъ тысячъ.

Надежды на пополненіе арміи казачьимъ населеніемъ не оправдались. Казаки также держались нейтралитета и также страшно, впослѣдствіи, пострадали за это.

Пополненіе изъ внутреннихъ губерній прекратилось совершенно, потому что Ростовъ былъ окруженъ.

Нѣмцы такъ испугались неожиданныхъ успѣховъ нарождающейся арміи, что приняли самыя рѣшительныя мѣры. Большевикамъ было отдано приказаніе уничтожить армію немедленно, пока не поздно. На фронтъ были посланы лучшіе германскіе офицеры.

Большевики перешли въ наступленіе на Ростовъ со всѣхъ сторонъ.

Съ сѣверо-запада надвигалась армія ф.-Сиверса, въ составѣ около 20 т. штыковъ и сабель; съ сѣвера къ самому Новочеркасску подходила Воронежская армія, пополненная фронтовыми казаками съ Подтелковымъ во главѣ, около 10 т. штыковъ и сабель, съ востока угрожала, въ томъ же количествѣ, Царицынская ар-

мія; наконецъ, выходъ на югъ былъ занятъ 39-ой пѣхотной дивизіей съ отрядами кубанскихъ большевиковъ и черноморскихъ матросовъ.

Всѣ эти арміи были прекрасно снабжены и, главное, имѣли тяжелую артиллерію, противопоставить, которой добровольцы могли только свое личное мужество.

Но мужество ихъ было безпримѣрнымъ. Цѣлый мѣсяцъ эти 4.000 защищали Ростовъ противъ врага въ 20 разъ сильнѣйшаго.

Занявъ Таганрогъ, полк. Кутеповъ продвинулся къ Матвѣеву Кургану. При этомъ армія находила еще возможнымъ посылать помощь атаману Каледину. Съ атаманомъ остались только партизанскія части, состоявшія изъ учащейся молодежи. Особенно прославился тогда отрядъ эс. Чернецова, совершавшій чудеса храбрости.

Строевыя казачьи части и станичныя дружины были совершенно ненадежны; сегодня онѣ дрались съ большевиками, а завтра расходились по домамъ или переходили на сторону непріятеля.

Измученный этими постоянными измѣнами казаковъ ат. Калединъ, въ отчаяніи, застрѣлился, издавъ послѣдній приказъ, которымъ при-

гвоздилъ къ позорному столбу ужасное предательство донцовъ своей родной землѣ.

Запертые въ Ростовѣ добровольцы дрались отчаянно. Роты смѣло шли на полки, баталіоны — на дивизіи и разбивали ихъ. Поля кругомъ Ростова были завалены тѣлами большевиковъ, но вмѣсто убитыхъ выростали все новые и новые враги и, наконецъ, въ началѣ февраля стало очевиднымъ, что отстаивать Ростовъ далѣе было бы безуміемъ.

Ряды добровольцевъ рѣдѣли, а пополненія не было. Армію заваливали массами и одно только мужество и искусство не могли противостоять неубывающему въ числѣ противнику.

Вспыхнуло возстаніе въ Батайскѣ, желѣзнодорожномъ узлѣ, на 7 верстѣ къ югу отъ Ростова.

Туда переселились остатки совѣта рабочихъ депутатовъ изъ Ростова и взволновали мѣстныхъ желѣзнодорожниковъ. Къ нимъ послали парламентеровъ, въ количествѣ 6 добров., съ предупрежденіемъ о бомбардировкѣ Батайска, если волненія не прекратятся.

Парламентеры не возвратились.

На слѣдующій день добровольцы съ боемъ заняли Батайскъ и нашли своихъ парламнете-

ровъ въ желѣзнодорожномъ депо съ выколотыми глазами, съ отрѣзанными ушами, носами и губами. Нѣкоторые еще дышали, а одинъ изъ нихъ, Хмѣльницкій, прожилъ еще 6 дней въ 69-томъ сводномъ госпиталѣ.

Возсталъ и Таганрогъ. Въ самомъ Ростовѣ ежеминутно ожидался бунтъ окраинъ, заселенныхъ рабочими.

Рѣшено было оставить Ростовъ.

IX.

ОТХОДЪ ИЗЪ РОСТОВА.
АКСАЙСКАЯ И ОЛЬГИНСКАЯ СТАНИЦЫ.

9 февраля 1918 г. добровольческая армія, нанеся послѣдній, но тяжелый ударъ наступавшему противнику, вечеромъ подъ прикрытіемъ темноты, незамѣтно покинула Ростовъ.

Большевики, наблюдая рѣшительныя дѣйствія арміи днемъ, совершенно не ожидали отхода добровольцевъ, и не только не преслѣдовали ихъ но, даже долго не рѣшались войти въ Ростовъ, опасаясь какой-нибудь хитрой засады. Такъ напугали ихъ.

Снѣгъ крутился въ воздухѣ и леденящій вѣтеръ пронизывалъ насквозь плохо одѣтыхъ добровольцевъ. Эти ужасные нордъ-осты сопровождали армію въ теченіе всего этого ледяного похода и дали ему его названіе.

Измученные непрерывными боями, голодные, обледенѣлые, добровольцы съ радостью увидали привѣтливые огоньки Аксайской станицы, гдѣ предположенъ былъ ночлегъ.

Вдругъ остановка. Что такое?

Къ генералу Корнилову, шедшему пѣшкомъ во главѣ арміи, подлетѣли посланные изъ станицы.

— Г. генералъ, Аксайская станица постановила — не допускать къ намъ добровольцевъ; такъ что потрудитесь проходить мимо станицы.

Глаза Корнилова сверкнули.

— Если, черезъ часъ, для арміи не будетъ приготовленъ ночлегъ и ужинъ, я смету станицу съ лица земли. Поняли? —

— Такъ точно, ваше превосходительство. Поняли. Не извольте безпокоиться. —

— Первая батарея впередъ, — пронеслось по рядамъ.

Казаки исчезли.

Подошли къ станицѣ.

У дверей встрѣтили привѣтливые хозяева. На столѣ кипѣлъ самоваръ и богатые казаки не поскупились на угощеніе.

Ночь прошла спокойно.

На другой день, утромъ, добровольцы перешли по льду черезъ Донъ и благополучно прибыли въ ст. Ольгинскую около 30 верстъ къ востоку отъ Ростова. Здѣсь они остановились на нѣсколько дней.

Большевики грабили магазины Ростова, рас-

правлялись, по старымъ счетамъ, съ неугодными имъ жителями, ужасными пытками вымучивали у состоятельныхъ лицъ деньги и драгоцѣнности, реквизировали направо и налѣво у богатыхъ и бѣдняковъ все, что нужно имъ было и что ненужно.

Начался сплошной пьяный разгулъ, прерываемый, для развлеченія, разстрѣлами и пытками.

О добровольцахъ временно какъ бы забыли и не смотря на настойчивыя приказанія нѣмцевъ, солдаты не хотѣли покинуть богатый и теплый Ростовъ.

Конечно, Корниловъ этимъ воспользовался. Выставивъ сторожевыя охраненія, армія спокойно реорганизовалась.

Мелкія воинскія части были соединены въ болѣе крупныя и образовались три отряда: 1) офицерскій полкъ, поглотившій въ себѣ мелкія офицерскія образованія, подъ командой г.-л. Маркова; 2) партизанскій отрядъ — подъ командой г.-м. Богаевскаго и 3) Корниловскій полкъ, подъ командой подполковника Нѣжинцева; къ этому полку присоединялись часто и оставшійся временно юнкерскій баталіонъ, чехословацкій инже-

нерный баталіонъ и др., подъ общимъ командованіемъ обыновенно г.-м. Козановича.

Въ конныхъ частяхъ насчитывали до 200 сабель, но больше половины были пѣшими.

Всѣхъ добровольцевъ, строевыхъ штабныхъ, нестроевыхъ чиновъ, врачей и сестеръ милосердія числилось до 4.000 чел.

Подтянулись и отставшіе добровольцы; прибыли изъ Новочеркасска раненые, кто только способенъ былъ къ передвиженію; подошли остатки чернецовскихъ партизановъ, не пожелавшихъ остаться съ казаками; подвезли изъ Аксайской станицы патроны, снаряды и прочее военное снабженіе, доставленное туда впередъ по желѣзной дорогѣ.

Изъ взятыхъ за плату конныхъ подводъ составленъ былъ большой обозъ, на который и рѣшено было погрузить прежде всего раненыхъ, а затѣмъ и все свое небогатое военное имущество. Остальное, что не могло вмѣститься въ обозъ, сожгли.

Орудій у добровольцевъ было восемь — трехъдюймовокъ, а снарядовъ къ нимъ около 600. Патроновъ приходилось около 200 на винтовку. Броневые автомобили бросили еще по дорогѣ — въ снѣгу. Медикаментовъ и перевязочныхъ

средствъ осталось такъ мало, что черезъ недѣлю, если бы не захватили этихъ запасовъ у большевиковъ, перевязывать раненыхъ было бы нечѣмъ.

Всѣхъ денегъ было 6 мил. рублей.

Между тѣмъ въ Ростовской и Новочеркасской кассахъ гoударственнаго банка хранилось около 200 мил. казенныхъ денегъ. Но ни Калединъ ни добровольческiе вожди не считали себя въ правѣ пользоваться этими суммами; они распредѣлили между донскимъ войскомъ и добровольческой армiей лишь 25 мил. руб. акцизнаго сбора, поступившаго съ Донской же области.

Всѣ остальныя деньги достались большевикамъ.

Несмотря на тяжелое положенiе армiя не унывала. Добровольцы отдохнули. Станица была полна оживленiемъ; сыпались шутки, слышался смѣхъ, раздавались пѣсни. Всѣ бодро смотрѣли впередъ, вѣря въ своихъ испытанныхъ вождей.

Но вождямъ было не до смѣха.

Они сознавали всю тяжесть, почти безвыходность положенiя.

Одни.

Одни во всемъ свѣтѣ. Кругомъ, и спереди, и сзади, и справа, и слѣва — только враги.

Ни одного друга, ни одного союзника.

Нѣтъ тыла, куда можно было бы отступить въ случаѣ катастрофы; нѣтъ базъ, изъ которыхъ можно было бы черпать снабженіе и получать пополненіе людьми.

Надо уходить, уходить немедленно. Врагъ проснется отъ разгула и уничтожитъ безъ слѣда послѣдніе кадры будущей арміи, а съ ней и Россію.

Но куда идти и для чего?

Донская область была избрана для созданія арміи, конечно, по извѣстнымъ соображеніямъ. Русская земля велика; вездѣ, казалось бы, можно было найти мѣсто для сбора добровольцевъ. Однако собрались на Дону.

Но, если необходимо оставить область, то значитъ мѣсто было избрано неудачно; соображенія, на которыхъ былъ основанъ выборъ, казались неосновательными?

X.

ВОЕННЫЙ СОВѢТЪ ВЪ СТ. ОЛЬГИНСКОЙ

Командующій арміей созвалъ военный совѣтъ для разрѣшенія вопроса о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ арміи.

На засѣданіе совѣта прибылъ, изъ ст. Старочеркасской, походный атаманъ донского войска ген. Поповъ. Онъ отступилъ въ станицу изъ Новочеркасска съ 2.000 казаковъ, оставшихся вѣрными правительству. Ген. Попова сопровождалъ его штабъ.

На совѣтѣ выясненъ былъ цѣлый рядъ вопросовъ, смущавшихъ вождей арміи и вызывавшихъ ихъ колебанія, — относительно современнаго положенія и дальнѣйшей дѣятельности добровольческой арміи.

Выборъ мѣста для сбора добровольцевъ былъ далеко не случайнымъ. Донская область была намѣчена для этого въ виду цѣлаго ряда соображеній.

Прежде всего, казалось, что собрать армію легче всего среди наиболѣе воинственнаго населенія, а таковымъ въ Россіи представлялись, конечно, казаки.

Когда вся армія на фронтахъ разложилась, казаки не только сохраняли воинскій порядокъ, но даже усмиряли первыя взбунтовавшіяся части.

Изъ казачьихъ областей наиболѣе обширная, какъ по пространству, такъ и по количеству населенія, была Донская область.

Затѣмъ, когда послѣ революціи, на Дону создалась своя политическая организація, то стоящій во главѣ Дона, войсковой кругъ, рядомъ своихъ постановленій, настаивалъ на продолженіи войны съ нѣмцами до побѣднаго конца и рѣшительно возсталъ противъ интернаціонализма не только большевиковъ, но даже и временнаго правительства Керенскаго.

Представители Дона и въ Петроградѣ и на Московскомъ съѣздѣ такъ внушительно высказывались за сохраненіе порядка въ арміи и въ государствѣ, что вся Россія съ надеждой смотрѣла на Донъ, ожидала отъ него одного спасенья.

Наконецъ, что новаго хорошаго могъ получить Донъ отъ побѣды нѣмцевъ и отъ торжества соціализма въ Россіи?

Донъ всегда былъ демократической областью.

Выдвигались на Дону люди благодаря своей храбрости или инымъ личнымъ заслугамъ.

Земля, за очень малыми исключеніями, принадлежала войсковой казнѣ и передѣлялась между казаками по числу работниковъ въ семьѣ. Если же, несмотря на большіе надѣлы, казаку казалось жить тѣсно, то въ южной части области отводились для такихъ любителей простора огромныя свободныя пространства, на которыхъ и воздвигались все новыя и новыя станицы; причемъ на выходъ со стараго мѣста изъ казачьей казны выдавалось еще пособіе.

Очевидно, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса, по рецепту большевиковъ, никакимъ образомъ не могло прельщать казаковъ, владѣвшихъ необъяннымъ количествомъ земли.

Рабочій вопросъ совершенно не интересовалъ донцовъ. Хотя на Дону и были заводы и угольныя копи, но казаки на заводы не поступали, а занимались земледѣліемъ.

Нѣдра земли они просто признали на войсковомъ кругѣ собственностью войска и совершенно не стремились передавать ихъ государству, чего требовала большевистская программа.

Богатѣйшее имущество въ видѣ рыбныхъ ловель всегда принадлежало войску.

Что же касается другихъ экономическихъ вопросовъ и вопроса о политическихъ и гражданскихъ свободахъ, то, получивъ автономное устройство, казаки сами могли издавать, какіе имъ угодно, демократическіе законы.

Вопросъ же объ автономномъ устройствѣ будущей Россіи былъ предрѣшенъ еще въ Государственной Думѣ и совершенно одинаково понимался всей русской интеллигенціей, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Въ этомъ отношеніи большевики, съ своей централизаціей, могли воздѣйствовать только отрицательно.

Однимъ словомъ, ничего новаго, улучшающаго положеніе казаковъ, большевики не могли принести Дону.

Казаки были богаты. Ихъ амбары ломились отъ запасовъ пшеницы.

Дворы были полны домашней птицей. На безбрежныхъ степяхъ паслись табуны коней и безконечныя стада рогатаго и мелкаго скота.

Большихъ буржуевъ нельзя было бы найти въ цѣлой Россіи, какъ по состоятельности, такъ и по складу жизни и по политическимъ воззрѣніямъ.

Вотъ почему войсковой кругъ и высказывался

такъ отрицательно по отношенію къ тенденціямъ большевиковъ и ихъ образу дѣйствій.

Чѣмъ же объяснить тогда тѣ явленія, которыя наблюдала армія во время краткаго своего пребыванія на Дону.

Почему же самая идея созданія арміи, стремившейся къ продолженію войны съ нѣмцами, чего требовалъ и войсковой кругъ, не нашла отклика въ казачьихъ умахъ? Почему та же армія, уже защищавшая Донъ отъ вторженія большевиковъ съ величайшимъ самопожертвованіемъ, встрѣчала безразличное, а иногда и прямо враждебное къ себѣ отношеніе казаковъ?

Что же было невѣрнаго въ этихъ соображеніяхъ, которыя и привели ген. Алексѣева и его сотрудниковъ къ мысли о Донѣ, какъ наилучшемъ мѣстѣ для сбора арміи?

Всѣ эти соображенія были вѣрны, но жизнь внесла свои поправки и пошатнула ихъ основательность.

Прежде всего вернувшіеся на родину фронтовики-казаки устали отъ продолжительной войны съ нѣмцами, а кони ихъ посбились.

Донцы, послѣ тяжкой дороги, прибыли наконецъ, домой и мечтали о полномъ отдыхѣ и объ устройствѣ своихъ личныхъ дѣлъ, потер-

пѣвшихъ уронъ за ихъ долговременное отсутствіе.

Новая война ихъ совершенно не прельщала, несмотря на торжественныя заявленія войскового круга.

Затѣмъ, казаки только что вернулись съ фронта, гдѣ ясно выразилось нежеланіе русскаго простолюдина продолжать военныя дѣйствія. За войну высказывались только офицеры и вообще интеллигенція. Значитъ надо еще силой заставить москалей идти воевать? Значитъ нужна еще особая домашняя война? Но что для казака война, на которой нельзя получить добычи. Не грабить же своихъ? А безъ добычи для казака война не война.

А тутъ еще колоссальная пропаганда большевиковъ, совершенно извращавшихъ цѣли и задачи добровольческой арміи.

Собираясь въ донской походъ, большевики засыпали казаковъ своей литературой. Они обѣщали казакамъ, что ихъ не тронутъ. Они заявляли, что казачьи демократическія учрежденія вполнѣ подходятъ къ соціалистическимъ ученіямъ, а потому большевики не будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла казаковъ.

Вся задача большевизма на Дону, говорили

они, это уничтожить кучку офицеровъ и буржуевъ, мечтающихъ о монархіи,—а затѣмъ мы уйдемъ.

— Будьте нейтральны, твердили большевики, и останетесь нами довольны.

И подавляющее число казаковъ рѣшили оставаться нейтральными.

— Пусть подерутся, и мы посмотримъ. Наше дѣло—сторона.

Этотъ нейтралитетъ и былъ неожиданностью для создателей арміи и поставилъ добровольцевъ въ тяжелое положеніе.

Но этотъ нейтралитетъ былъ ненадежнымъ. Онъ не могъ продолжаться долго. Зная большевистскихъ вождей, можно было съ увѣренностью заранѣе предрѣшить, что казаковъ обманываютъ, что ихъ хотя и демократическія учрежденія, но выросшія на русской почвѣ, совсѣмъ не по сердцу большевикамъ интернаціоналистамъ, что они учрежденія эти уничтожатъ или подгонятъ подъ свою коммунистическую линейку съ полной безпощадностью.

Съ другой стороны было ясно, что казаки этого обмана не простятъ, что ихъ природная свобода покажется раемъ въ сравненіи со страшнымъ государственнымъ гнетомъ большевизма

и что всѣ эти явленія будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ—возстаніе казаковъ противъ ихъ угнетателей.

Такъ, постепенно, шагъ за шагомъ, разъяснялся мрачный горизонтъ передъ глазами добровольческихъ вождей.

Ошибки не было, надо только переждать неминуемыя событія.

Гдѣ же ждать, чтобы быть подъ рукой въ случаѣ необходимости?

Рѣшено было вести обѣ арміи, и добровольческую и казачью,—въ южныя безлюдныя степи на границахъ донской области, астраханской и ставропольской губерній.

Тамъ, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, легко было бы отбиться отъ большевиковъ, чувствовавшихъ себя неувѣренно безъ броневыхъ поѣздовъ.

Безъ дорогъ, безъ тяжелой артиллеріи силы бы сравнялись.

Въ маневренной войнѣ большевики теряли всѣ свои преимущества, а добровольцы выигрывали, имѣя искуссныхъ и опытныхъ вождей.

Арміи должны были слѣдовать дорогами, параллельными другъ другу, но разными, чтобы не обременять чрезмѣрно населеніе и продоволь-

ствіемъ своимъ и средствами передвиженія грузовъ.

Все, казалось, предусмотрѣно. А если не удастся?

— Если не удастся, сказалъ Корниловъ, мы покажемъ, какъ должна умереть русская армія.

XI.
ТРЕВОГА.

Черезъ день армія выступила изъ Ольгинской.

Первый переходъ, около 25 верстъ, прошелъ безъ всякихъ приключеній и добровольцы остановились ночевать въ ст. Хомутовской.

Рано утромъ, кто еще спалъ, кто умывался, вдругъ: трахъ, трахъ.

— Что такое?

Та-та-та...' отвѣтили пулеметы, и свинцовые шмели зажужжали по станицѣ.

Выскочили на улицу.

По направленію отъ противника шелъ разъѣздъ коннаго дивизіона.

— Что щеголи,' проспали, посыпались насмѣшки добровольцевъ.

Несчастные щеголи, въ рваныхъ полушубкахъ, благоразумно промолчали. Нужно было видѣть ихъ истрепанныхъ коней, чтобы понять' въ чемъ дѣло.

Бѣглымъ шагомъ вышли дежурныя роты офицерскаго полка и разсыпались въ цѣпи передъ

станицей. Впереди мелькала бѣлая папаха командира полка ген. Маркова.

Снаряды сыпались на станицу, какъ изъ мѣшка. Пулеметы подвигались все ближе и ближе.

Въ обозѣ суета. Спѣшно запрягаютъ коней; тѣ пугаются выстрѣловъ, бросаются, путаются въ постромкахъ. Начальство ругается. Вотъ выдвинулся санитарный обозъ; на рысяхъ прошелъ политическій отдѣлъ.

— Бумъ, бумъ, бумъ, заговорили наконецъ и добровольческія трехдюймовки.

На душѣ сразу стало легче.

Пулеметы противника стыдливо умолкаютъ, попали, значитъ, въ самый разъ.

Вышелъ изъ станицы артиллерійскій паркъ и потянулось интенданство.

Ружейная пальба удалялась. Противника видимо отгоняли; но артиллерійскій огонь усилился. Обстрѣливали выходъ изъ станицы, гдѣ, поневолѣ, группировались повозки.

По счастью, у большевиковъ не было гранатъ и они обстрѣливали станицу шрапнелями, поставленными на ударъ, и тѣмъ же способомъ, къ удивленію, крыли и дорогу.

Снаряды зарывались глубоко въ подтаявшую землю и площадь пораженія была ничтожной.

Тутъ оправдалось вѣрное правило для движенія обоза,—идти по дорогѣ въ линію. Дѣйствительно, на самую дорогу не попалъ ни одинъ снарядъ; всѣ ложились справа и слѣва.

Ранены были, и то всего нѣсколько человѣкъ, тѣ, которые, изъ боязни обстрѣла, сворачивали съ дороги.

Бой смолкалъ и обозъ быстро двигался по направленію къ ст. Кагальницкой.

Но, впереди—переходъ черезъ желѣзную дорогу—Донскую вѣтку.

А что, если большевики окончательно проспались и выслали на перерѣзъ броневые поѣзда?

Кругомъ голая ровная степь; ни кустика, ни ложбинки. Ясный день.

Переѣздъ черезъ желѣзную дорогу одинъ,—никуда не сунешься.

Перестрѣляютъ, какъ куропатокъ.

Послали впередъ конницу—взорвать справа и слѣва отъ переѣзда желѣзнодорожный путь, хоть не такъ близко подойдутъ броневики.

Чу, выстрѣлъ, другой, третій. Впереди.

— Попались.

Промчался Корниловъ съ своимъ штабомъ и текинцами.

— И куда скачетъ. Непремѣнно надо ему влѣзть въ самую кашу.

Обозъ остановился. Легко раненые и обозные изъ добровольцевъ приготовляли винтовки и укладывали поближе патроны.

Томительное ожиданіе длилось полчаса.

Перестрѣлка смолкла. Ложная тревога.

Авангардъ, состоявшій изъ молодежи — партизанъ, забавлялся разстрѣливаніемъ телеграфныхъ стаканчиковъ, чтобы прервать линію.

За эту забаву получили нѣсколько, но крѣпкихъ, словъ.

Большевики еще не проспались и ограничились посылкой коннаго отряда съ батареей для возстановленія связи съ противникомъ.

Этотъ отрядъ и атаковалъ Хомутовскую.

Другихъ войскъ, на перерѣзъ хода арміи, послано не было, что и спасло добровольцевъ.

Большевики потеряли удобный случай для нанесенія жестокаго удара арміи, не имѣвшей иного пути, какъ черезъ линію желѣзной дороги у ст. Злодѣйской.

Два броневыхъ поѣзда, слѣва и справа, могли бы, если не закрыть совсѣмъ пути, то, во всякомъ случаѣ, нанести тяжелое пораженіе арміи съ такимъ обозомъ.

Случай былъ потерянъ.

Но, съ тѣхъ поръ армія за исключеніемъ крайней необходимости не переходила желѣзную дорогу днемъ.

XII.
ОБОЗЪ. ПЕРВЫЙ ГРАБЕЖЪ.

Въ этотъ день впервые держалъ свой боевой экзаменъ и обозъ. И надо сказать выдержалъ его недурно.

Обозъ, по сравненію съ арміей, былъ огромный, около 500 повозокъ, и тянулся, при подборѣ, версты на три, а въ концѣ перехода верстъ на пять.

Армія, не имѣя никакихъ базъ впереди, должна была везти съ собой все. По дорогѣ нельзя было ни на что расчитывать, такъ какъ настроеніе населенія было неопредѣленнымъ. Брать же силой, и тѣмъ еще болѣе возбуждать противъ себя казаковъ, было бы недальновиднымъ.

На первыхъ переходахъ возили съ собой не только печеный хлѣбъ, но даже зерновой фуражъ и прессованное сѣно.

Потомъ оказалось, что за деньги можно было получить эти продукты безпрепятственно, въ особ нности въ болѣе южныхъ станицахъ.

Но, тогда, свободныхъ повозокъ всетаки не оказывалось, а приходилось число подводъ все

увеличивать и увеличивать, такъ какъ, съ продвиженіемъ арміи впередъ, росло, къ сожалѣнію, и число раненыхъ. Оставлять же раненыхъ по станицамъ, какъ приходилось дѣлать потомъ, считалось невозможнымъ. Противникъ съ невѣроятной жестокостью добивалъ всѣхъ, кто попадалъ въ его руки.

Такой огромный обозъ былъ, конечно, большой обузой для арміи. Но, онъ былъ бы мертвымъ ея камнемъ, если бы не представлялъ нѣкоторыхъ отличій отъ обыкновеннаго военнаго обоза.

Всѣ знаютъ особый терминъ — „обозная паника“. Такая обозная паника, въ нѣкоторыхъ арміяхъ, была даже причиной жестокихъ пораженій, когда обезумѣвшіе отъ страха обозы неслись на строевыя части, сминали ихъ, запружали и ломали, на своемъ бѣшеномъ ходу, мосты, гати и т. п.

Сегодня, всѣ данныя для паники, и не только для обозныхъ, были на лицо.

Противникъ подъ прикрытіемъ ночи, подошелъ къ Хомутовской совершенно незамѣтно.

Конное охраненіе прозѣвало. Лошади были заморены, и разъѣзды высылались неаккуратно; да и части жались къ станицѣ.

Большевики подкрались почти къ самому селенію и сразу открыли сильный артиллерійскій и пулеметный огонь.

Въ станицѣ еще спали.

Полусоннымъ людямъ все представляется въ преувеличенномъ видѣ, и легко было бы ожидать прямо повальнаго бѣгства обозныхъ, куда глаза глядятъ.

Ничего подобнаго не наблюдалось; наоборотъ, во всѣхъ обозахъ, кромѣ интендантскаго, замѣчалась лишь спѣшная запряжка и погрузка; но все свое имущество обозы вывезли, никакихъ крупныхъ поломокъ не произвели и нигдѣ дорогу не забивали.

Только начальникъ интендантскаго транспорта, подп. Х. не дождался нагрузки своего обоза и уѣхалъ впередъ; а безъ него нѣкоторые грузы оставили и пришлось потомъ досылать за ними подводы изъ Кагальницкой.

Въ тотъ же день онъ былъ смѣщенъ съ должности.

Порядокъ въ обозѣ соблюдался потому, что за этимъ строго слѣдили всѣ, власть имущіе, начиная съ ген. Алексѣева. Генералъ по болѣзни не могъ ѣхать верхомъ, и слѣдовалъ съ обозомъ. Затѣмъ и сами обозные состояли, по боль-

шей части, изъ казаковъ, видавшихъ виды, и изъ гражданскихъ чиновъ, служившихъ въ арміи.

Тамъ можно было видѣть на кучерскомъ мѣстѣ и полковника съ ранеными ногами, и профессора донского политехникума, и члена Государственной Думы.

Вотъ подобнымъ составомъ возчиковъ только и объяснялось то, что обозъ, выросшій потомъ до 1.500 повозокъ, не задушилъ арміи.

На этомъ же переходѣ ген. Корниловъ показалъ, что онъ можетъ быть не только любимымъ, но и строгимъ вождемъ.

У воротъ желѣзнодорожной казармы доброволецъ рѣжетъ пѣтуха.

Корниловъ проѣзжаетъ мимо.

— Стой. Откуда взялъ? Купилъ?

— Никакъ нѣтъ, Ваше высоко-ство. —

— Что? Укралъ? Ограбилъ?

Арестовать и подъ судъ. —

А доброволецъ былъ занятный. Красавецъ собой, безумно храбрый въ бояхъ, онъ извѣстенъ былъ еще и по своему подвигу во время московскаго возстанія.

Пулеметъ, направленный отъ Храма Христа Спасителя на Пречистенку и запиравшій под-

ходъ съ этой стороны къ Кремлю, бездѣйствовалъ. Всѣхъ, кто пытался подойти къ нему, сейчасъ же убивали.

Офицеръ, сегодняшній грабитель, всетаки бросился къ пулемету и хладнокровнымъ, мѣткимъ огнемъ отогналъ нахлынувшую было толпу большевиковъ.

Офицеръ этотъ была дочь титулованнаго генерала, — женщина — прапорщикъ, говорившая о себѣ всегда въ мужскомъ родѣ.

Бросились къ командующему и умоляли отмѣнить приказъ.

Корниловъ былъ непоколебимъ.

— За воинскую доблесть — честь ему и слава; а за грабежъ — петля.

— Вы не понимаете, что вы дѣлаете, — добавилъ Корниловъ. — Армія ничтожна по своимъ размѣрамъ. Но я скую ее огнемъ и желѣзомъ, и не скоро раскусятъ такой орѣхъ. Если же офицеры начнутъ грабить, то это будетъ не армія, а банда разбойниковъ. —

Произвели разслѣдованіе.

Прапорщикъ откровенно разсказалъ, что въ Хомутовской станицѣ онъ уже поголодалъ; запоздалъ по службѣ; а когда пріѣхалъ, армія уже все съѣла. Пѣтуха онъ взялъ даромъ, но

съ удовольствіемъ заплатилъ бы деньги; только въ казармахъ не было ни души.

Свидѣтели все подтвердили.

Нашли: принимая во вниманіе смягчающія обстоятельства, грабителя слѣдовало бы разжаловать въ рядовые; но, въ виду боевыхъ заслугъ, можно наказаніе понизить до ареста.

Командующій, выслушавъ докладъ, покачалъ головой, но утвердилъ его.

Тѣмъ не менѣе и окрикъ командующаго, и его разговоръ съ ходатаями стали извѣстны арміи и произвели прекрасное впечатлѣніе. Любители легкой наживы поняли, что Корниловъ шутить съ ними не будетъ.

Когда къ арміи стали приставать по дорогѣ, подъ видомъ добровольцевъ, разные проходимцы, случались не только кражи, но и насилія.

Съ виновными Корниловъ былъ безпощаденъ и, безъ всякихъ колебаній, утверждалъ смертные приговоры военно-полевого суда.

Всѣ добровольцы платили наличными деньгами за выпитое и съѣденное, и даже прибавляли хозяйкамъ за хлопоты.

Вообще въ арміи старались поддержать порядокъ, возможно строгій, насколько позволяли условія вѣчно-походной жизни. Начальниковъ,

не сумѣвшихъ справиться съ порученнымъ имъ дѣломъ, Корниловъ немедленно увольнялъ, не взирая на прежнія заслуги.

— Отчего погибла царская Россія? говорилъ Лавръ Георгіевичъ. — Отъ безвластія и произвола. Всякій дѣлалъ, что хотѣлъ. Никто изъ высшихъ не наказывался не только за проступки, но даже за преступленія. Низшихъ судъ миловалъ.

Законы не примѣнялись. Внѣдрялась полная анархія. — За послѣднее время Россія была не государствомъ, а просто толпой людей, не признававшихъ никакой власти. Если мы хотимъ создать новую Россію, то прежде всего мы должны завести у себя порядокъ и законность. Нашей страной смогутъ управлять только тѣ, которые сумѣютъ искоренить анархическія страсти во всемъ народѣ, сверху до низу. Это безконечно трудная задача, и для выполненія ея требуется безграничная воля, неумолимая настойчивость и непреклонная рѣшительность.

XIII.

ЧЕРНОЗЕМНАЯ ГРЯЗЬ. ПОХОДНАЯ ЖИЗНЬ. ИЗМѢНЕНІЕ ПЛАНА.

По дорогѣ отъ ст. Кагальницкой на Мечетинскую и Егорлыцкую ничего особеннаго не произошло.

Но переходы эти были невѣроятно мучительны. Днемъ, на солнцѣ, сильно таяло, и черноземная дорога превратилась въ вязкое, невылазное болото. Улицы въ селеніяхъ сдѣлались совсѣмъ непроходимыми.

И лошади, и люди прямо выбивались изъ силъ. Повозки были нагружены тяжело для сокращенія обоза. Приходилось разгружать, временно оставлять однѣ повозки на топкихъ мѣстахъ, а коней припрягать къ другимъ, да и самимъ впрягаться, чтобы только вывезти возъ изъ котловины.

Между тѣмъ черноземная грязь невѣроятно липкая. Ступишь ногой въ сапогѣ; вытянешь, — нога босая; тащи сапогъ, да еще обѣими руками.

Переходы большіе — 25 - 30 верстъ. Ста-

ницы огромныя — 10 - 15 тыс. жителей, но расположены рѣдко, и хуторовъ по дорогѣ мало. Измучились кони, — ночуй на дорогѣ въ морозъ, голодный и подъ леденящимъ вѣтромъ.

Все это приходилось переносить и переносили безъ ропота и жалобъ люди интеллигентные, состоятельные, избалованные, не привыкшіе обходиться безъ прислуги.

Деньщиковъ на походѣ не было. И генералъ, и рядовой дѣлали все сами. Утромъ всталъ, пои и корми коня; вычисти его, и скорѣе вымой, потому что и кони, и люди напоминали собой крокодиловъ, вылѣзшихъ изъ тины.

Вычисти и самого себя, чтобы людей не пугать.

Наскоро закусилъ, уже кричатъ: — „по конямъ".

Днемъ дѣла, походная служба; пожуешь чего нибудь на ходу, покормишь коня у стога.

Пришелъ на ночлегъ, — обряди коня. Вычистилъ винтовку, ступай по начальству за приказаніями на другой день. Вернулся, — опять къ коню. Поѣлъ и только что разоспался, будятъ: твоя очередь коней караулить; прозѣвалъ—сведутъ коней; народъ кругомъ, безъ всякаго начальства, страшно избаловался.

И такъ изо дня въ день. Поэтому приказъ о дневкѣ встрѣчался съ полнымъ восторгомъ. Можно и доспать безсонныя ночи, и починиться, смазать сапоги и сбрую, вообще привести себя, хотя въ нѣкоторый порядокъ.

— —

О томъ, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ до добровольцевъ — не доходило. Рѣдко, когда попадетъ въ руки большевистская газета; тогда узнаютъ о чемъ-нибудь, да и то въ перевранномъ видѣ.

За то слуховъ было, сколько и какихъ угодно. Эти слухи и служили иногда очень плохую службу.

Дошелъ до арміи слухъ, будто на Кубани казаки, принявъ совѣтскую власть, уже раскаиваются въ этомъ и жаждутъ освобожденія.

Добрые слухи всегда воспринимаются охотно и провѣряются не такъ тщательно, какъ слѣдовало бы.

Штабъ положился на пресловутую контръ-развѣдку и поручилъ ей провѣрить слухъ.

Контръ-развѣдка провѣрила, будто бы, и докладываетъ: слухъ вѣрный; на Кубани, какъ вездѣ въ Россіи, ждутъ не дождутся какихъ-нибудь чужихъ избавителей.

Корниловъ собралъ совѣтъ.

Долго спорили и обсуждали.

Одна сторона требовала соблюденія соглашенія съ ген. Поповымъ и отрицала возможность столь быстраго перерожденія казаковъ; другіе настаивали на необходимости немедленно повернуть на Кубань, расчитывая усилить армію недовольными казаками.

Второе мнѣніе одержало верхъ. Рѣшили увѣдомить немедленно ген. Попова о новыхъ намѣреніяхъ и пригласить его присоединиться къ добровольцамъ.

Ген. Поповъ настаивалъ на первоначальномъ соглашеніи и отказался слѣдовать съ добровольцами по одному пути.

Пошли на Кубань одни, кратчайшей дорогой къ кубанской столицѣ — Екатеринодару.

Туда еще ранѣе былъ посланъ ген. Эрдели для вербовки добровольцевъ; по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ Екатеринодаръ занятъ еще войсками кубанскаго казачьяго правительства и успѣшно отбивается отъ большевиковъ.

По дорогѣ рѣшили заглянуть таже въ Ставропольскую губернію, въ с. Лежанку, которое было очагомъ большевизма, вліявшимъ и на

Донскую область. Тамъ расчитывали добыть снарядовъ, по старой памяти о первомъ добровольческомъ орудіи, ухваченномъ изъ Лежанки въ декабрѣ.

XIV.

ИНОГОРОДНІЕ.

Егорлыцкая была послѣдней станицей Донской области, верстахъ въ 130 — 140 на юго-востокъ отъ Ростова; далѣе, на юго-востокъ же, начинается Ставропольская губернія и, рядомъ съ ней, на юго-западъ, лежитъ Кубанская область.

Южная часть Донской области исключительно богата, даже по сравненію съ остальными донскими округами. Глубокій черноземъ покрываетъ подпочву, гдѣ на аршинъ, гдѣ и на два. Земля обрабатывается, сравнительно, недавно и урожаи не успѣли истощить неизмѣримые запасы питательныхъ веществъ въ почвѣ.

При благопріятныхъ условіяхъ сборъ пшеницы доходитъ до 200 пудовъ съ десятины. Неурожаи сравнительно рѣдки; сухіе юговосточные вѣтры, такъ губительно дѣйствующіе въ средней и сѣверной части Дона, здѣсь обезвреживаются близостью моря и горъ, посылающихъ свою влагу.

Станицы переполнены всякой живностью, ко-

торая дешево кормится остатками при очисткѣ хлѣбовъ. Много также рогатаго скота и лошадей, отгуливающихся на вѣковыхъ, нетронутыхъ степныхъ пространствахъ.

Земельный просторъ великъ, каждый казакъ получаетъ надѣлъ на себя отъ 8 до 16 десятинъ и столько же на каждаго сына. Кромѣ того станицы обладаютъ еще громадными запасами земли на будущее, запускаемыми подъ пастбища и сѣнокосы.

Сами казаки съ своими надѣлами не справляются, а отдаютъ часть земли въ аренду пришлому элементу, такъ называемымъ иногороднимъ, переселяющимся сюда изъ малоземельныхъ губерній.

Эти иногородніе въ началѣ появлялись въ видѣ рабочихъ у богатыхъ казаковъ. Скопивъ за два-три года работы небольшую сумму „грошей", иногородній покупалъ пару старыхъ тощихъ воловъ и плугъ съ бороной.

Снявъ въ аренду небольшой клочокъ земли, онъ засѣвалъ его и, пока хлѣбъ выростетъ, ютился въ землянкѣ на нанятомъ дворовомъ мѣстѣ въ станицѣ и подъ жидкимъ навѣсомъ хранилъ свою скотину.

Выросъ хлѣбъ; иногородній выписалъ уже къ

себѣ нищенствующую на родинѣ семью; собралъ урожай, и, вмѣсто землянки, появилась маленькая мазанка, домикъ изъ земляныхъ кирпичей.

Опять нанялъ онъ землю, но теперь уже участокъ побольше.

Проходитъ нѣсколько лѣтъ и чумазый „Охримко“ превращается въ крупнаго съемщика земли, владѣющаго десятками паръ воловъ, выводящаго на конскую ярмарку свой косякъ лошадей, или торгующаго на десятки тысячъ саломъ, кожей или шерстью.

На мѣстѣ первоначальной землянки стоитъ каменный домъ подъ желѣзной крышей, съ зелеными ставнями и кисейными занавѣсками, амбары завалены хлѣбомъ, на дворѣ толчея отъ птицы.

Иногороднiй сытъ и богатъ. Кажется, долженъ быть доволенъ; что же нужно еще человѣку?

Увы, онъ несчастенъ. Онъ безправенъ. Онъ не можетъ быть атаманомъ станицы, и не можетъ даже избирать его, такъ какъ это право казаковъ.

Его домъ стоитъ на чужомъ, станичномъ планѣ, онъ пашетъ казачью землю, которую не можетъ купить ни за какiя деньги. Онъ не соб-

ственникъ, а арендаторъ; онъ не свой, а иногородній.

Это неполноправное положеніе мучаетъ его и не даетъ ему спокойно наслаждаться жизнью и всѣми дарами ея, находящимися въ его обладаніи.

Отсюда его затаенная, смертельная ненависть къ казакамъ, ко всему складу ихъ жизни, къ ихъ законамъ и обычаямъ.

Вражда, годами скрываемая въ тайникахъ души, за время „свободъ“ вырвалась наружу.

Составляя во многихъ мѣстностяхъ значительное большинство населенія, и пользуясь уходомъ казаковъ на войну, иногородніе сразу захватили власть въ свои руки, какъ только, вмѣсто казачьихъ учрежденій, образовались различные комитеты и совѣты.

Перестали они платить и аренду за землю. Мало того, ихъ аппетиты разгорались все больше и больше. Арендованной земли имъ оказалось недостаточно, и они требовали, чтобы вся казачья земля была подѣлена поровну между ними и казаками.

Казаки раздѣлились. Молодежь, вернувшаяся съ фронта и зараженная идеями о безграничной свободѣ и о полномъ равенствѣ, стала большей

частью на сторону иногороднихъ, къ нимъ же присоединились и различные казачьи „изгои“, опустившіеся, обнищавшіе, которые думали, что хуже не будетъ, а лучше — можетъ быть.

Казаки — хозяева глубоко негодовали; но, пока земли ихъ еще не трогали и ограничивались лишь угрозами, они молчали и только запоминали все, чему въ будущемъ слѣдовало бы предъявить счетъ.

Идеи большевизма нашли самую благопріятную почву среди иногороднихъ. Не вникая въ суть ученья, они ухватились за большевизмъ, какъ за оппозиціонную базу для борьбы съ казачествомъ. Не понимая, чѣмъ грозитъ большевизмъ такимъ состоятельнымъ людямъ, какими были они, иногородніе, въ особенности молодежь, составляли основу красныхъ армій въ казачьихъ областяхъ.

При подходѣ добровольцевъ всѣ, наиболѣе активные элементы изъ иногороднихъ и ихъ сторонниковъ уходили изъ станицъ и хуторовъ и, по слухамъ, группировались въ селѣ Лежанкѣ.

XV.

БОЙ ПОДЪ ЛЕЖАНКОЙ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.

22 февраля, на разсвѣтѣ, армія выступила изъ Егорлыцкой въ направленіи на с. Лежанку (Средне-Егорлыцкое-тожъ).

Погода разгулялась и, вмѣсто леденящаго нордъ - оста, лицо обвѣваетъ теплый южный вѣтерокъ. Дорога начинаетъ быстро просыхать. Вѣрна пословица: — осенью — часъ мокнетъ и недѣлю сохнетъ, а весной — недѣлю мокнетъ и день сохнетъ. На пригоркахъ показалась даже пыль.

Передъ станицей, впереди всѣхъ, строится офицерскій полкъ. Его командиръ ген. Марковъ, возбужденъ и веселъ. Запахло, значитъ, порохомъ.

Пришелъ рысью ген. Корниловъ съ своимъ конвоемъ изъ текинцевъ и трехцвѣтное знамя блеснуло на солнцѣ.

Идутъ съ сумками за плечами двѣ сестры Энгельгардтъ. Удивительно неутомимыя дѣвушки. Весь походъ совершили онѣ пѣшкомъ, въ

мужскихъ сапогахъ, по колѣно въ грязи и совсѣмъ не пользовались повозками, какъ другія сестры милосердія.

Съ трудомъ пролѣзая уличную слякоть, выкатилась на дорогу батарея. Кони всѣ въ пѣнѣ еле отдышались на дорогѣ за селомъ.

Авангардъ двинулся, а за нимъ потянулся и обозъ.

Прошли верстъ пятнадцать. Большой привалъ. Отдохнули, закусили, подкормили коней и снова въ путь.

Взошли на пригорокъ.

— „Бумъ — бахъ", — на голубомъ небѣ закрутилось кольцо отъ разорвавшейся шрапнели и поплыло все выше и выше.

То Лежанка привѣтствовала непрошенныхъ гостей.

Впереди лежала открытая равнина; за ней сверкала рѣка, и на другой сторонѣ ея, на возвышенномъ берегу, расположилось большое и богатое село.

Тамъ ждали армію и были спокойны, владѣя великолѣпной позиціей для защиты.

Артиллерія противника гремѣла, а пулеметы заполняли паузы.

То была старая знакомая 39-ая пѣх. дивизія

съ своей артиллерійской бригадой, пополненная мѣстными большевиками.

Густыя цѣпи солдатъ расположились впереди рѣки и непрерывнымъ огнемъ осыпали подходившихъ добровольцевъ.

Казалось, ничто живое не перейдетъ эту долину смерти, открытую и ровную, какъ скатерть.

Сердце сжимается за своихъ.

Какъ можно такія позиціи брать прямо въ лобъ?

Но, добровольцы не разсуждали. Корниловскій полкъ уже спустился и повелъ наступленіе.

Гдѣ же, однако, офицерскій полкъ?

Что они молчатъ?

Пригорокъ закрываетъ отъ глазъ спускъ, куда пошелъ со своими ген. Марковъ.

Вотъ, наконецъ, мелькнула его папаха.

Что же это? Парадъ на Марсовомъ полѣ?

Стройными, ровными, какъ по ниточкѣ, линіями выходятъ офицеры на равнину.

Зачѣмъ же тутъ какія-то лошади и что онѣ везутъ?

Ничего не понять.

Хватились за бинокли. Глазамъ не вѣрится.

Артиллерія? Идетъ въ атаку? Вмѣстѣ съ пѣхотными цѣпями?

Вотъ заѣзжаетъ орудіе. Съ передковъ: —Бумъ — бумъ — бумъ, — прямо въ упоръ. На передки и опять впередъ и впередъ.

Весь, казалось, огонь противника льется на эти цѣпи.

Клубки дыма отъ шрапнелей свиваются въ облако, — такъ часто рвутся онѣ, одна за другой.

Вотъ падаютъ — одинъ, другой третій....

Залегли, что-ли? Не выдержали?

Нѣтъ, — эти уже не встанутъ.

У офицеровъ перебѣжекъ нѣтъ.

Молча, безъ выстрѣла, равняются цѣпи.

Винтовки за плечами, съ полнымъ презрѣніемъ къ врагу, идутъ марковцы.

Не гнутся они подъ пулями и смотрятъ прямо въ глаза смерти.

Дрожь пробѣгаетъ по спинѣ.

Все ближе и ближе. Наконецъ, — винтовки на руку, бѣгомъ и... пошла работа.

Что за каша у солдатъ?

Бросая винтовки, скидывая на бѣгу шинели, а кто даже и сапоги, — бѣгутъ всѣ, сломя голову.

Кто черезъ мостъ; столкнулись, летятъ че-

резъ перила; кто прямо въ рѣку, не разбирая глубоко, не глубоко; вязнутъ, тонутъ... Но скорѣй, скорѣй, лишь бы не видѣть этихъ ужасныхъ глазъ, полныхъ гнѣва и презрѣнія.

Воображеніе бѣглеца лихорадочно работаетъ; совѣсть подсказываетъ:

—Что, узналъ? Давно ли они были въ твоихъ рукахъ? Чуть не вчера рвалъ ты съ нихъ погоны и топталъ въ грязи; билъ, мучилъ, плевалъ въ лицо.

—А теперь? Теперь твоя очередь?

—Вотъ они, дьяволы.

— Заговоренные.

— Скорѣй, скорѣй, а не то смерть отъ одного ужаса. —

И былъ ужасъ.

Этотъ ужасъ на вѣкъ запечатлѣлся на лицахъ мертвецовъ; этотъ ужасъ не могли скрыть и мирные жители селенія.

Блѣдные, съ трясущимися руками, они бросались на первый зовъ своихъ постояльцевъ. Съ перекошенными лицами, они чуть не душили своихъ плачущихъ дѣтей, только бы не раздражить этихъ страшныхъ пришельцевъ.

Да, ударъ былъ нанесенъ жестокій.

Не опоздай конница, посланная въ обходъ, — ни одинъ большевикъ не остался бы въ живыхъ.

Во второй приходъ добровольцевъ въ Лежанку, черезъ два мѣсяца, жители разсказывали, что преслѣдуемые тогда солдаты были въ невѣроятной паникѣ.

Верстахъ въ двѣнадцати отъ села они побросали все: оружіе, обозы, артиллерію; перерѣзали постромки у запряженныхъ лошадей и ускакали, кто успѣлъ.

Если бы добровольцы дошли тогда до этого мѣста, добыча была бы колоссальной. Но надо вспомнить, что еще до боя армія сдѣлала въ этотъ день переходъ около 25 верстъ; а кавалерія только въ этомъ селѣ получила, наконецъ, свѣжихъ коней

Слухъ объ этомъ тяжеломъ пораженіи большевиковъ разнесся далеко кругомъ и предшествовалъ добровольцамъ на всемъ ледяномъ походѣ. При этомъ разсказывалось нѣчто невѣроятное о стремительности офицерскихъ атакъ, о безпощадной ихъ жестокости.

Не разъ, потомъ, на Кубани, казачки, ознакомившись ближе съ добровольцами и увидавъ, что это люди, какъ люди, изумленно спрашивали ихъ:

—Да, вы ли это были въ Лежанкѣ? Или другіе?—

Тѣ ничего, сначала, не понимали. Хозяйки объясняли, что добровольцы, по разсказамъ, представлялись имъ не въ видѣ людей, а какихъ-то чуть не одноглазыхъ, чудовищъ, пожирающихъ живыхъ дѣтей.

Все это было послѣдствіемъ, дѣйствительно, ужаснаго боя; но, въ этомъ бою, однако, не погибали не только ни женщины, ни дѣти, но не пострадалъ ни одинъ мирный житель.

Плѣнныхъ солдатъ, правда, не было.

XVI.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Бой подъ Лежанкой имѣлъ большое значеніе. Онъ показалъ арміи ея силу, но обнаружилъ также и нѣкоторые недостатки.

Здѣсь столкнулись лицомъ къ лицу, грудь въ грудь, — два міра — большевистскіе солдаты и добровольцы — офицеры.

39-ая дивизія была воинскою частью, не такъ давно вернувшейся съ фронта. Правда, дивизія была перестроена на большевистскій ладъ; главную роль играли комиссары и начальство изъ солдатъ; но были и офицеры, конечно, уже третьяго сорта, изъ тѣхъ, кому все равно, гдѣ служить, за что сражаться, лишь бы получать жалованье.

Дивизія недавно имѣла даже успѣхъ подъ Ростовомъ, вытѣснивъ изъ Батайска двѣ-три сотни добровольцевъ. Это окрылило ее.

— Шапками закидаемъ это офицерье, — бахвалились солдаты, поджидая добровольцевъ на превосходной позиціи.

Давно-ли, несмѣтныя силы турокъ и курдовъ

въ паникѣ бѣжали отъ нихъ и очищали область за областью передъ неодолимымъ натискомъ дивизіи.

А тутъ какихъ-то двѣ, три тысячи, да и кого? — буржуевъ? Безъ снарядовъ, безъ патроновъ? —. Пусть попробуютъ, — выдеремъ зубы. —

Да, передъ ними была горсточка буржуевъ.

Но, кто были эти буржуи?

Половина состояла изъ офицеровъ, изъ лучшихъ офицеровъ арміи, такъ оскорбленныхъ въ своемъ достоинствѣ этими же солдатами.

То былъ первый призывъ въ добровольческой арміи. Явились всѣ, кто страдалъ за попраніе русской воинской чести и всѣмъ сердцемъ стремился смыть своей кровью съ родины ея позорное пятно.

Съ невѣроятными трудностями и опасностями пробрались они къ ген. Алексѣеву; днемъ и ночью работали чтобы создать армію, закончить войну съ нѣмцами; — и опять мѣшаютъ! И кто? свои же; тѣ-же самые солдаты, которые въ безсмысленной ярости разстрѣливали ихъ съ тыла, когда офицеры фронта, образовавъ ударные полки, стремительно бросались на нѣмцевъ.

Нижними чинами въ арміи были — инженеры, адвокаты, земскіе и городскіе дѣятели, журналисты и, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь — юнкера, студенты, гимназисты и кадеты всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, откуда и пошло иазваніе добровольцевъ—„кадеты“.

Эти „буржуи“ были также перваго призыва. Ихъ влекло въ армію то-же чувство любви къ родинѣ, но они пришли не съ фронта, а изъ центра страны.

Они были раззорены, оторваны отъ своихъ семействъ, и многіе прошли черезъ руки страшныхъ большевистскихъ „чрезвычаекъ“. У одного раззорили до тла и сожгли на глазахъ любимое родовое гнѣздо-имѣніе; у другого замучили отца, брата, и всѣхъ ограбили до ниточки.

Они видѣли, какъ православныя церкви превращены были въ кинематографы.

Они знали изъ большевистскихъ же гезетъ, что ихъ матери, жены и сестры — соціализированы, т, е. выданы на полное поруганіе китайцамъ и латышамъ — этимъ безсмысленнымъ преторіанцамъ „свободнѣйшей въ мірѣ республики“.

А кто сдѣлалъ это? Развѣ не тѣ, или не братья тѣхъ, кто стоитъ сейчасъ передъ ними?

И теперь, когда они готовы были забыть все, во имя долга передъ родиной, кто же всталъ между ними и нѣмцами? Кто защищалъ отъ нихъ вѣкового русскаго врага?

Въ безумномъ гнѣвѣ сжимается въ рукахъ винтовка.

— Впередъ, впередъ — лишь бы добраться до этой солдатни. —

Тутъ не до развѣдки, тутъ не до подготовки боя.

— Впередъ, впередъ, мы имъ покажемъ. —

И показали.

Однимъ изъ крупныхъ недостатковъ въ организаціи арміи, обнаруженномъ въ этомъ бою, было отсутствіе отличительныхъ знаковъ на одеждѣ для добровольцевъ. Штабъ въ свое время не подумалъ объ этомъ весьма важномъ вопросѣ.

По счастью не было печальныхъ случаевъ взаимнаго обстрѣла. Но много солдатъ ушло безнаказанно только потому, что офицеры пулеметчики перестали обстрѣливать мостъ, незная, гдѣ кончаются большевики и гдѣ начинаются преслѣдующіе ихъ добровольцы.

Командующій просто приказалъ — немедленно надѣть на околыши фуражекъ и на папахи кусокъ бѣлой матеріи.

Корниловъ не любилъ комиссій и подкомиссій „съ соотвѣтствующими окладами содержанія“.

XVII.

КУБАНСКІЕ КАЗАКИ. НОВОЛЕУШКОВСКАЯ. БОИ ПОДЪ БЕРЕЗАНСКОЙ И ВЫСЕЛКАМИ. НОВЫЯ ВѢСТИ.

Нагнавъ страху ставропольскимъ большевикамъ въ Лежанкѣ, армія повернула на юго-западъ и вошла въ предѣлы Кубанской области.

Всѣ слухи объ остромъ недовольствѣ казаковъ совѣтскимъ режимомъ и ихъ готовность возстать,—оказались „преждевременными". Большевики дѣйствовали весьма осмотрительно и, стараясь повсемѣстно распространить свои учрежденія, тѣмъ не менѣе остерегались вводить у казаковъ коренныя реформы. Нигдѣ не оскорбляли они религіознаго чувства кубанцевъ, очень щепетильныхъ въ этомъ отношеніи.

Казачья молодежь была увлечена совѣтскими ученіями, отбилась, какъ жаловались старики, отъ рукъ, бездѣльничала, не работала, а только шаталась съ митинга на митингъ, да проклинала буржуевъ, о которыхъ, однако, не имѣла никакого понятія.

Пожилые казаки были уже обезпокоены слухами, что на Тамани иногородніе, при содѣйствіи совѣтовъ, отнимаютъ лучшую землю у станичниковъ и дѣлятъ ее между собой. Но это безпокойство не переходило границъ брюзжанія, а разсказамъ добровольцевъ о неистовствахъ большевиковъ въ центрѣ государства — они просто не вѣрили.

Борьба совѣтовъ съ казачьимъ правительствомъ Кубани еще не окончилась, и большевики были осторожны.

Казаки, какъ и на Дону, думали: — посмотримъ, и оставались совершенно нейтральными

Они были привѣтливы къ добровольцамъ, гостепріимны, многіе отказывались даже отъ денегъ за продовольствіе; но въ армію они не вступали, за небольшими исключеніями.

Что было дѣлать? Возвращаться назадъ?

Но, въ Екатеринодаръ уже дали знать о своемъ предстоящемъ походѣ. Тогда не было еще извѣстно, что большевики посланныхъ перехватили.

Рѣшили идти дальше, надѣясь на иныя настроенія въ другихъ мѣстахъ, гдѣ, опять по слухамъ, совѣты уже распоясались.

Кратчайшую дорогу на Екатеринодаръ запирала ст. Тихорѣцкая, желѣзнодорожный узелъ, съ

большими мастерскими, — самое крупное гнѣздо большевизма въ этой части области. Тамъ собраны были большія силы съ броневыми поѣздами.

Корниловъ, рѣшилъ обойти Тихорѣцкую: тѣмъ не менѣе дѣлали видъ, что армія идетъ туда. Разспрашивали вездѣ про Тихорѣцкую, разузнавали открыто о дорогахъ, ведущихъ на станцію, но, подъ шумокъ, развѣдывали и о способахъ и путяхъ обхода.

Направившись изъ ст. Незамаевской по Тихорѣцкой дорогѣ, армія, ночью, повернула въ другую сторону. Сдѣлавъ огромный переходъ Корниловъ, неожиданно для противника, подошелъ къ владикавказской жел. дорогѣ у станицы Новомушковской верстахъ въ 20 на сѣверо-западъ отъ Тихорѣцкой и тамъ безпрепятственно перешелъ желѣзнодорожную линію.

Обычные взрывы пути по обѣимъ сторонамъ, перехода черезъ желѣзную дорогу, привлекли вниманіе желѣзно-дорожныхъ большевиковъ и тѣ дали знать на Тихорѣцкую о появленій добровольцевъ; но было уже поздно. Подошедшіе съ обоихъ концовъ броневые поѣзда не могли ничего сдѣлать.

Пути были хорошо испорчены; подвинуться

ближе было нельзя, а съ дальней дистанціи снаряды не долетали, и орудія большевиковъ лишь салютовали арміи.

———

Пройдя около 100 верстъ по кубанской области армія не встрѣчала сопротивленія и безостановочно двигалась къ Екатеринодару вдоль ж. д., по тракту, верстахъ въ десяти на западъ отъ линіи.

Въ каждой станицѣ Корниловъ созывалъ сходы, самъ выступалъ на нихъ съ рѣчами, но безуспѣшно.

Огромныя станицы, съ нѣсколькими тысячами жителей, давали 10-15, а самое большее 30 добровольцевъ.

Жатва не созрѣла; большевики остерегались.

Пройдя безпрепятственно черезъ ст. Старолеушковскую и Иркліевскую, армія, подъ ст. Березанской, имѣла короткій бой и заняла селеніе.

Здѣсь Корниловъ отечески наказалъ жителей. Тѣ выслали еще въ предшествовавшую станицу Иркліевскую свою депутацію и приглашали армію къ себѣ. Между тѣмъ, вырывъ окопы, они встрѣтили добровольцевъ огнемъ изъ винтовокъ

и пулеметовъ. Послѣ боя, при входѣ арміи въ станицу, мѣстное начальство поднесло Корнилову хлѣбъ-соль, но командующій отвернулся и проѣхалъ мимо.

Затѣмъ онъ вызвалъ стариковъ и приказалъ имъ объяснить свое вѣроломство. Тѣ сослались на иногороднихъ и на свою молодежь. Иногородніе уже ушли. Корниловъ велѣлъ собрать молодежь на площадь и приказалъ отцамъ выпороть своихъ сыновей нагайками, что они и исполнили съ превеликимъ удовольствіемъ.

2 марта подошли къ ст. Журавской и тамъ узнали разныя новости, весьма тревожныя.

Оказалось, что два дня тому назадъ въ 10 верстахъ отъ ст. Журавской, при жел.-дорожной станціи Выселки, происходилъ бой между екатеринодарскими войсками и большевиками.

Большевики нанесли правительственной арміи сильное пораженіе. Послѣдствіемъ боя было отступленіе казачьихъ войскъ къ самому Екатеринодару; а по слухамъ Екатеринодаръ даже эвакуированъ.

Побѣдители до сихъ поръ нахѳдятся въ поселкѣ при станціи и сегодня еще былъ отъ нихъ разъѣздъ на хуторахъ.

Командующій приказалъ корниловскому пол-

ку немедленно выгнать большевиковъ изъ Выселокъ, что и было исполнено почти безъ потерь.

На ночь въ Выселкахъ была оставлена кавалерія, которая, по какому то недоразумѣнію, вдругъ покинула поселокъ и пришла на Журовскіе хутора. Этимъ воспользовался противникъ и, получивъ подкрѣпленіе, прочно засѣлъ въ Выселкахъ.

Пришлось на другой день вновь брать поселокъ; но за ночь большевики вырыли окопы и встрѣтили посланныхъ на нихъ партизанъ сильнымъ и упорнымъ огнемъ.

Молодежь понесла большія потери. Пришлось послать на подмогу офицерскія части, и ген. Марковъ жестоко отомстилъ бывшимъ побѣдителямъ. Бросивъ все свое добро, большевики разбѣжались.

На станціи добровольцы раздобыли себѣ сахара, въ которомъ очень нуждались.

Корниловскій же полкъ долго щеголялъ въ дамскомъ бѣльѣ; цѣлая партія этого добра была захвачена въ вагонѣ и, за неимѣніемъ мужского бѣлья, добровольцы облеклись въ кружева и прошивки.

Здѣсь же былъ найденъ инженеромъ Полов-

цовымъ большой врагъ арміи: хорошо снабженные матеріалами вагоны вспомогательнаго поѣзда для возстановленія желѣзно - дорожныхъ поврежденій. Въ вагоны наложили горючаго матеріала, облили керосиномъ и торжественно сожгли.

По желѣзнымъ дорогамъ въ то время ѣздили только большевики, и блуждающимъ по степямъ добровольцамъ каждый вагонъ и паровозъ были враждебны.

Въ поселкѣ нашли нѣсколько казачьихъ офицеровъ; одинъ изъ нихъ только что пріѣхалъ изъ Екатеринодара. Всѣ подтвердили, что правительственная армія, подъ командой ген. Покровскаго, оставила столицу и двинулась куда-то, кажется на югъ, въ предгорья Кавказа.

Для провѣрки этихъ свѣдѣній въ тотъ же день были посланы переодѣтые офицеры.

XVIII.

БОЙ ПОДЪ СТАНИЦЕЙ КОРЕНОВСКОЙ.

Извѣстіе объ уходѣ арміи ген. Покровскаго изъ Екатеринодара поставило добровольческую армію въ тяжелое положеніе.

Быть почти у цѣли своего похода, въ какихъ-нибудь 80 вер. отъ Екатеринодара, и увидать всю безплодность перенесенныхъ жертвъ и лишеній? Шли въ надеждѣ соединиться съ большой, по слухамъ, арміей и предпринять крупныя операціи по очищенію Кубани отъ большевиковъ и, вмѣсто этихъ широкихъ плановъ, пришлось думать вновь о своемъ спасеніи.

———

Впереди, верстахъ въ 12, по дорогѣ къ Екатеринодару, расположена, при жел. дорожной линіи большая станица Кореновская, одна изъ базъ большевистской арміи. Тамъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, стоялъ отрядъ около 15 тыс. пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

Корниловъ рѣшилъ атаковать Кореновскую, какъ бы продолжая свой путь на югъ. Онъ расчитывалъ найти въ станицѣ необходимые ар-

міи военные припасы, которые значительно сократились за предшествовавшіе бои. Военная добыча въ этихъ бояхъ была невелика.

4 марта, утромъ, армія покинула Журавскіе хутора, и черезъ нѣсколько верстъ авангардъ уже вошелъ въ соприкосновеніе съ противникомъ.

Начался бой по всей линіи.

Въ центрѣ вели наступленіе корниловцы и встрѣтили упорное сопротивленіе красныхъ. Станица была укрѣплена нѣсколькими рядами окоповъ. Очевидно, большевики заранѣе подготовили позицію, чтобы задержать и остановить здѣсь побѣдоносное до сихъ поръ шествіе арміи Корнилова.

Артиллерія противника дѣйствовала превосходно. Удачно выбравъ наблюдательные пункты, открывавшіе широкій горизонтъ, артиллеристы замѣчали каждое передвиженіе добровольческихъ частей и немедленно крыли ихъ мѣткимъ огнемъ.

Бой затянулся, и положеніе становилось серьезнымъ.

Отступивъ къ самой станицѣ, большевики встрѣчали атаки добровольцевъ непрерывнымъ

огнемъ изъ винтовокъ и пулеметовъ, скрываясь сами въ окопахъ.

Корниловцы вели энергичное наступленіе; но, взявъ одинъ рядъ окоповъ, встрѣчали вновь сосредоточеннаго противника, превосходившаго числомъ въ нѣсколько разъ.

Артиллерія добровольцевъ, не имѣя большого запаса снарядовъ, расходовала ихъ весьма осторожно и не могла поддерживать пѣхотныя цѣпи непрерывнымъ огнемъ.

Движеніе корниловцевъ впередъ замедлилось.

— Усилить огонь, — отданъ приказъ артиллеріи.

Взятъ еще рядъ окоповъ.

— Снарядовъ больше нѣтъ, докладываютъ Корнилову.

— Послать за ними въ обозъ — былъ отвѣтъ.

На правомъ флангѣ противника выдвинулся впередъ бронированный поѣздъ.

— Въ артиллерійскомъ паркѣ осталось только 30 шрапнелей — докладываютъ изъ обоза.

Противникъ перешелъ въ контръ-атаку. Густыми цѣпями поднялись изъ окоповъ красные и ринулись на рѣдкія линіи корниловцевъ.

Тѣ подались назадъ.

— Центръ прорванъ — докладываютъ Корнилову.

Необходимо послать на подмогу, а резервовъ больше нѣтъ.

Мимо командующаго проходитъ кучка легкораненныхъ юнкеровъ чел. 10-12, возвращающихся съ перевязки въ строй.

— А это развѣ не резервъ? — спрашиваетъ Корниловъ. — Полковникъ Тимановскій, примите командованіе.

Пол. Тимановскій, раненный за японскую и германскую кампанію 17 разъ, невозмутимо покуривая свою неизмѣнную трубочку, исполняетъ приказъ.

Опираясь на палку, хладнокровно ведетъ онъ свою армію для заполненія прорыва; по дорогѣ къ нимъ присоединяется гусаръ Лопуховскій съ люисовскимъ пулеметомъ.

Лопуховскій вскакиваетъ на стожокъ сѣна и оттуда поливаетъ въ упоръ насѣдающія цѣпи.

Большевики останавливаются.

— Въ тылу показалась густая пыль — доносятъ изъ обоза. — Подходитъ отрядъ, очевидно, съ кавалеріей.

— Построить вагенбургъ — отдается приказъ.

— Выслать въ тыловую цѣпь всѣхъ способныхъ дѣйствовать оружіемъ.

Оцѣпенѣлая змѣя обоза оживаетъ. Звенья свиваются. Повозки становятся рядами, и беззащитный, до сихъ поръ, обозъ превращается въ четырехугольное живое укрѣпленіе, — вагенбургъ, — послѣдняя опора на случай неудачи боя.

Всѣ чины арміи, шедшіе съ обозомъ, около 100 чел., безъ различія положенія и возраста, берутъ винтовки и выходятъ изъ вагенбурга. Къ нимъ присоединяются и раненые, способные двигаться.

Отойдя на нѣсколько сотъ шаговъ назадъ, они разсыпаются въ цѣпи и залегаютъ.

Два послѣднихъ пулемета ставятся въ центрѣ.

Вотъ и вся тыловая защита.

Между тѣмъ, въ центрѣ боя, наступленіе противника усиливается резервами.

Корниловцы не выдерживаютъ и подаются еще назадъ.

Тяжело раненые стрѣляются. Не имѣющій револьвера съ мольбой смотритъ на отступающихъ своихъ.

Глухой выстрѣлъ. Исполненъ страшный обѣтъ — не оставлять своихъ живыми.

Къ противнику подходятъ новые резервы.

Положенiе дѣлается критическимъ. Участь боя рѣшается.

Снарядовъ и патроновъ больше нѣтъ.

Съ тыла обойдены.

XX.

БОЙ ПОДЪ СТ. КОРЕНОВСКОЙ.

(продолженіе).

Въ то время, какъ корниловцы вели бой въ центрѣ, на правомъ флангѣ упорно отстаивались партизаны, подъ командой ген. Богаевскаго.

Лѣвый флангъ занималъ офицерскій полкъ.

Сдѣлавъ большой обходъ, Марковъ подошолъ къ станицѣ съ другой стороны.

Быстро выбили офицеры противника изъ передовыхъ окоповъ и погнали къ станицѣ вдоль желѣзной дороги.

Красные, отстрѣливаясь, отступали.

На ихъ защиту вылетаетъ броневой поѣздъ.

Искусно маневрируя, онъ избѣгаетъ обстрѣла артиллеріи, и его многочисленные пулеметы сметаютъ, кажется, все кругомъ.

Офицеры остановились.

— Штабъ за работу — командуетъ генералъ Марковъ.

Штабъ офицерскаго полка немногочисленъ: молоденькій, но видавшій виды, капитанъ — адъ-

ютантъ; врачъ, онъ же казначей, — Родичевъ и завѣдующій оружіемъ — инженеръ Жемчужниковъ.

Этотъ штабъ писалъ немного донесеній и отношеній; все текущее дѣлопроизводство полка и весь архивъ помѣщались за голенищемъ адъютанта; но въ бою штабъ не отходилъ отъ командира и былъ его послѣднимъ резервомъ.

Штабъ работаетъ, чуть не подъ самымъ поѣздомъ. Одинъ тащитъ обломокъ рельса, два несутъ шпалу, — и черезъ двѣ минуты путь загроможденъ, — на рельсахъ горка всякой дряни.

Поѣздъ замедляетъ ходъ.

Офицеры съ пулеметами бросаются на него въ атаку.

Броневикъ раздумываетъ и сначала медленно, а потомъ все скорѣе и скорѣе, уходитъ и больше не показывается.

Красные, видя неудачу броневика, отступаютъ на рысяхъ.

Еще нажимъ, и все въ паникѣ бѣжитъ въ станицу.

Офицеры врываются за ними и штыками выбиваютъ ихъ изъ хатъ.

„Товарищи“ пытаются скрыться за рѣкой, за-

пружаютъ гать и цѣлыми сотнями летятъ въ воду, скошенные пулеметами.

Станица занята.

Торжествующее „ура“ офицеровъ доносится до центра боя.

Красные побѣдители въ недоумѣніи останавливаются. Ихъ задніе ряды уже обстрѣливаются съ тыла марковцами и бѣгутъ мимо станицы.

Измученные корниловцы оживаютъ.

— Наши обошли. Впередъ. —

Бой кончился. Обозъ вытягивается снова въ линію и исчезаетъ въ станицѣ.

Зловѣщая пыль въ тылу относится въ сторону вечернимъ вѣтеркомъ, и изъ нея выходятъ три сотни брюховецкихъ казаковъ, шедшихъ на соединеніе съ добровольцами.

Казаки, очевидно, выжидали результатовъ боя. Изъ станицы ихъ гнала злоба на иногороднихъ, здѣсь уже не стѣснявшихся въ соціализаціи казачьяго добра; но идти къ добровольцамъ, когда они ведутъ такой сильный бой, было рискованно.

А вдругъ ихъ разобьютъ? Куда же дѣться казакамъ?

— Не зная броду, не суйся въ воду, — рѣшили станичники и послали своихъ на развѣдку.

Теперь съ пѣснями, подъ несмолкаемое „ура" добровольцевъ, они гордо входили въ Кореновскую.

Армія была въ восторгѣ. Блестящая побѣда надъ врагомъ, въ пять разъ сильнѣйшимъ, засѣвшимъ на укрѣпленной заранѣе позиціи, воодушевила добровольцевъ.

Огромная военная добыча была, какъ нельзя болѣе, кстати, въ виду полнаго истощенія боевыхъ припасовъ. Красные оставили нѣсколько орудій, вполнѣ исправныхъ, тысячу снарядовъ, до ста тысячъ патроновъ, много винтовокъ и другого военнаго имущества.

А тутъ еще въ добавленіе пришелъ и первый казачій отрядъ; двѣ сотни были конными. До сихъ поръ вся конница добровольцевъ не привышала этого числа.

На большевиковъ Кореновскій бой также произвелъ огромное впечатлѣніе.

Они совершенно не ожидали такого исхода. Они расчитывали встрѣтить отрядъ, истомленный долгимъ походомъ, измученный предшествовавшими тремя боями.

Эти бои слѣдовали одинъ за другимъ безъ передышки и, по донесеніямъ большевистскихъ командировъ, добровольцы понесли жестокія потери. Но, вмѣсто „остатковъ разбитыхъ бандъ“, какъ писали въ ихъ листкахъ, большевики встрѣтили стройныя части, дисциплинированныя желѣзной рукой и полныя боевой инициіативой.

Не имѣя возможности сказать всю правду, ихъ начальство прибѣгло ко лжи и впало въ другую крайность.

Въ большевистскихъ газетахъ появилось описаніе боя въ такомъ, приблизительно, видѣ:

— Нашъ передовой отрядъ подъ Кореновской потерпѣлъ неудачу, столкнувшись со всемъ авангардомъ Корниловскихъ бандъ, состоящимъ изъ 20.000 добровольцевъ. —

Они не понимали, что, преувеличивая силы противника, тѣмъ самымъ они его рекламировали.

XX.

ВРАГЪ БЪ ТЫЛУ. ВРАГЪ НА ФРОНТѢ. ВРАГЪ НА ФЛАНГАХЪ. СВѢТОВАЯ ТЕЛЕГРАММА.

Остатки красныхъ добѣжали до слѣдующей ст. Плотнировской. Тамъ, встрѣтивъ подкрѣпленіе изъ Екатеринодара, они остановились и принялись за окопы.

Черезъ день, темной ночью изъ Кореновской, безшумно, выступили добровольцы. Запрещено было курить и громко разговаривать.

Выславъ заслонъ къ Плотнировской, армія свернула съ екатеринодарскаго тракта, перешла желѣзно-дорожную линію и направилась на юго-востокъ, по дорогѣ къ ст. Усть-Лабинской.

Корниловъ избралъ очень рискованный путь Добровольцы вошли внутрь треугольника, образуемаго желѣзнодорожными линіями, соединяющими Екатеринодаръ, Кавказскую н Тихорѣцкую.

Эти вершины треугольника были крупными базами противника. Тамъ находились сильные гарнизоны и стояли броневые поѣзда. Малѣй-

шая задержка на ходу и армія могла быть задержана, а это предрѣшало ея гибель.

.Іа разсвѣтѣ вошли въ Роздольную, въ 12 верстахъ отъ Кореновской и въ такомъ же растояніи отъ Планировской. Задавъ кормъ конямъ, расположились закусить и отдохнуть послѣ безсонной ночи. Но это были лишь сладкія мечты.

Шрапнель — одна, другая, третья — и загорѣлся аріергардный бой. Большевикамъ дали знать объ уходѣ добровольцевъ, и тѣ бросились въ погоню.

Армія двинулась впередъ, оставивъ партизанъ и кавалерію отгрызаться отъ насѣдавшаго противника. Ген. Богаевскій не подпускалъ красныхъ къ обозу, переходя неоднократно въ контръатаку. Но, непріятельская артиллерія все время крыла транспорты шрапнелями.

Прошли такъ верстъ пятнадцать.

— Стой. —

И завязался авангардный бой съ войсками, вышедшими навстрѣчу добровольцамъ изъ ст. Усть-Лабинской.

Обозъ свернулся и замеръ.

Бой разгорается.

— Пришлите снарядовъ — требуютъ партизаны съ тыла.

— Давайте патроновъ — кричатъ присланные изъ авангарда.

А шрапнели несутся и сзади и спереди, и съ боковъ.

Прямо передъ арміей, пересѣкая трактъ, лежитъ желѣзно - дорожная линія, связывающая Екатеринодаръ съ Кавказской. Далеко бѣлѣютъ дымки паровозовъ, спѣшно подвозящихъ и справа и слѣва эшелоны пѣхоты и артиллеріи на помощь усть-лабинскимъ большевикамъ.

Налѣво — болото. Сзади плотнировскій отрядъ. Направо — пожалуйте въ Екатеринодаръ.

Окруженная со всѣхъ сторонъ армія, тѣмъ не менѣе не ограничиваетъ своихъ дѣйствій пассивной обороной, а смѣло бросается на врага.

Корниловцы и офицерскій полкъ, соперничая между собой въ доблести, сминаютъ усть-лабинцевъ и гонятъ ихъ въ станицу.

Но, красные подваливаютъ по желѣзной дорогѣ съ обѣихъ сторонъ и сжимаютъ фланги.

Добровольцы бьютъ направо и налѣво, эшелонъ за эшелономъ, и неудержимо наступаютъ впередъ.

Офицерскій полкъ захватываетъ батарею. Повернувъ орудія, офицеры встрѣчаютъ мѣткимъ

огнемъ одинъ изъ броневыхъ поѣздовъ, спѣшившій на помощь къ разстроеннымъ „товарищамъ".

Не ожидая найти такъ близко артиллерію противника, поѣздъ быстро уходитъ, а „товарищи", въ полномъ ужасѣ, — за нимъ.

Корниловцы врываются въ станицу. Большевики бѣгутъ за Кубань. Добровольцы преслѣдуютъ ихъ по пятамъ. и таюже переходятъ черезъ мостъ.

Тѣмъ временемъ къ самой станицѣ скрытно подходитъ новый эшелонъ пѣхоты, выброшенный изъ поѣзда за нѣсколько верстъ отъ мѣста боя.

Въ селеніи остались только Корниловъ со штабомъ и небольшой конвой.

— Мы пережили нѣсколько скверныхъ минутъ — говорили потомъ штабные.

По счастью успѣли повернуть часть корниловцевъ, и штабъ былъ спасенъ.

Не останавливаясь ни на минуту, обозъ пробѣгаетъ черезъ станицу и, къ ночи армія уже за Кубанью, прикрытая рѣкою съ тыла.

Еще восемь верстъ перехода, и добровольцы расположились на ночлегъ въ ст. Некрасовской.

Лишь тутъ сказалось утомленіе арміи отъ непрерывныхъ переходовъ съ ежедневными боями. Всѣ повалились, гдѣ стояли, и станица замерла.

Не спится лишь вождямъ арміи. Заботы гонятъ сонъ:

— Теперь ушли; счастливо вывернулись изъ проклятаго треугольника. Дальше что? Куда идти? Въ горы? А кто кормить будетъ? Голодъ. Смуты. Все пропадетъ. —

Легкій скрипъ двери.

— Кто тамъ?

— Дежурный, ваше пр - ство. Потрудитесь выйти на минутку. —

Генералъ вскакиваетъ съ кровати и спѣшитъ за дежурнымъ на крыльцо.

— Прислушайтесь, ваше пр-ство. —

Мертвая тишина. Небо ясно, и лишь на западѣ темнѣютъ какія-то облачныя полосы.

Но вотъ, тучка вспыхнула и, черезъ нѣсколько минутъ, какъ будто, проворчалъ отдаленный раскатъ грома.

Еще и еще разъ.

— Да, несомнѣнно, они тамъ. Ночной бой. Разбудите командующаго. —

Но командующему самому не спится. Онъ слышитъ шепотъ и выходитъ на терассу.

— Что тутъ у васъ? —

— Покровскій и Эрдели дерутся тамъ.

Новая вспышка указываетъ мѣсто боя на юго-западѣ.

Никто изъ развѣдчиковъ, тайно посланныхъ отыскать хотя бы слѣды арміи ген. Покровскаго, не вернулся.

Мѣстные жители давали показанія, другъ другу противоположныя; армія пропала; и только теперь это ночное безмолвіе открыло важную тайну.

XXII.

МАНЕВРИРОВАНІЕ АРМІИ. БОИ НА Р. БѢЛОЙ. ЧЕРКЕСЫ.

Простоявъ два дня въ ст. Некрасовской, армія отдохнула. Правда, этотъ отдыхъ былъ относительнымъ. Съ утра до вечера станица обстрѣливалась артиллерійскимъ огнемъ изъ хуторовъ, лежащихъ за рѣкой Лобой.

Но кони поѣли, люди отоспались, а ждать было некогда. Надо возможно скорѣе соединиться съ екатеринодарской арміей, пока она не отошла далеко или, что могло случиться, пока она не разбита и не разсѣяна.

Пошли по хуторамъ и черкескимъ ауламъ. Утромъ били армію артиллеріей на мѣстѣ ночлега, а днемъ армія била красныхъ на полѣ.

На завтра та же очередь.

Замѣчательно одно: не было случая, чтобы армія не ночевала въ томъ селеніи, которое было назначено приказомъ, отданнымъ наканунѣ вечеромъ.

Армія всегда была окружена со всѣхъ сторонъ отрядами большевиковъ. Но каждый день, добровольцы сметали все, стоящее на ихъ пу-

ти, много ли, мало ли было выслано имъ навстрѣчу. Выдерживали подрядъ по два боя въ день, но ночевали тамъ, гдѣ было приказано.

Когда ген. Маркову, обыкновенно командовавшему авангардами, докладывали, что противникъ очень многочислененъ, онъ отвѣчалъ:—„Не считай, а бей; — это — рвань, а не солдаты“.

Не считали и били; рвались впередъ и трепали во всѣ стороны, какъ волки, въ стадѣ овецъ. Зазнались до того, что бой считался равнымъ только тогда, когда большевики разъ въ пять превосходили числомъ; и все таки ихъ били, если не силой натиска, то искуснымъ маневрированіемъ.

Армія подвигалась быстро и часто, совершенно внезапно, мѣняла направленіе. Имѣя мало картъ, офицеры, при первой возможности, снимали копіи предполагаемаго пути съ картъ ихъ счастливыхъ владѣльцевъ; но, черезъ переходъ, бросали эти копіи: — армія пошла совсѣмъ въ другую сторону.

Эти прыжки сбивали противника, и нигдѣ не успѣвали большевики сконцентрировать такія силы, чтобы могли задавить армію просто той громадной численностью, которая была въ ихъ распоряженіи.

——

Перейдя рѣку Бѣлую въ селеніи Царскій Даръ, добровольцы встрѣтили упорное сопротивленіе большихъ силъ красныхъ, расположившихся за рѣкой, на возвышенности.

Свернули обозъ въ котловинѣ и бросились въ атаку.

Но всему есть границы. Казалось, тутъ положенъ былъ предѣлъ и воинской доблести.

Великолѣпныя позиціи, занятыя противникомъ, и численное его превосходство сломили стремительность офицерскихъ атакъ.

Все было послано въ цѣпи. Конвой командующаго дрался уже чуть не съ начала боя.

Всѣ легко раненые офицеры и чины обоза, кто былъ помоложе снимались съ повозокъ при переходѣ черезъ мостъ, строились и уходили въ поле. Послѣдняя защита обоза, охранная рота изъ инвалидовъ, давно уже въ цѣпи.

Несчастный обозъ кроютъ перекрестнымъ огнемъ и съ фронта, и съ тыла. На ген. Богаевскаго, бывшаго съ партизанами въ аріергардѣ, также насѣдаетъ упорный врагъ и давитъ превосходными силами.

Къ правому флангу противника подходитъ подкрѣпленіе съ артиллеріей. Шрапнели летятъ на обозъ и съ третьей стороны.

Спѣшно работаетъ артиллерійскій паркъ, непрерывно отпуская патроны и снаряды нетерпѣливымъ посланнымъ изъ частей. Измученные врачи и сестры перевязываютъ, подъ непрерывнымъ огнемъ, досятки раненыхъ, бредущихъ поддерживая другъ друга, со всѣхъ сторонъ.

Надъ самыми головами рвется шрапнель, и двѣ сестры, санитаръ и пять раненыхъ падаютъ на землю, пораженные пулями.

Пулеметы противника такаютъ все громче и громче.

— Послать музыкантовъ, — передается приказаніе по обозу; и этотъ послѣдній резервъ арміи уже использованъ.

Казалось — все потеряно.

Но отчаянный натискъ офицеровъ разрываетъ, наконецъ, на минуту, сомкнувшееся желѣзное кольцо и обозъ рысью устремляется въ свободное пространство. Пули и шрапнели летятъ въ него со всѣхъ сторонъ.

Вдругъ, радостное „ура" несется въ воздухѣ: — прискакалъ джигитъ изъ арміи ген. Покровскаго; екатеринодарцы дерутся верстахъ въ пятидесяти отъ арміи.

Недоумѣвающій врагъ пріостанавливается, и побѣда его безплодна.

Обозъ уже въ ст. Рязанской и, не задерживаясь, переходитъ черезъ мостъ, оставивъ рѣку за собой.

——

Армія въ черкескихъ аулахъ.

Движеніе ея замедляется. На каждомъ шагу дорогу прерываютъ рѣки и рѣчки, стремящіеся съ предгорій Кавказа. Зыблящіеся мостики, на высотѣ пяти, шести сажень, ненадежны. Повозки тянутся съ интервалами. Кавалерія идетъ прямо вбродъ, и только кони фыркаютъ отъ брызгъ ледяной воды.

Дорога пошла лѣсами; обозъ медленно движется по узкому пути; колеса вязнутъ въ непросохшей глинѣ.

Прошли, гдѣ съ боями, гдѣ безпрепятственно, аулы Габукай, Несшукая, Понежукай, Вочепшій и Гатлукай.

Черкесы встрѣчаютъ привѣтливо. Входъ въ аулы указывается бѣлыми ленточками въ знакъ миролюбія ихъ жителей.

Но это миролюбіе не спасло ихъ отъ большевистскихъ звѣрствъ. Скотъ у нихъ угнали, сакли пораззорили, даже ульи пчелъ уничтожили, разрубая ихъ топорами, чтобы поскорѣе достать медъ.

Собравъ въ одинъ аулъ цвѣтъ черкеской молодежи, подъ видомъ мобилизаціи, „товарищи“, внезапно накинулись на нихъ и всѣхъ перебили. Эти груды изуродованныхъ труповъ черкесы показали добровольцамъ, они не смѣли хоронить ихъ безъ приказа.

Въ бѣшенствѣ сжимаются кулаки и даются клятвы не щадить этихъ звѣрей.

Черкесы молча стоятъ кругомъ; но въ каждомъ аулѣ къ арміи присоединяются мстители за свою кровь, поклявшіеся отплатить врагамъ. Постепенно изъ черкесовъ была образована особая конная часть, превратившаяся впослѣдствіи въ шестисотенный черкесскій полкъ.

Черкесы были храбры и смѣло бросались конной атакой на врага.

Но артиллерійскій огонь дѣйствовалъ на нихъ угнетающе, и они вначалѣ совершенно терялись подъ сильнымъ орудійнымъ обстрѣломъ. Потомъ привыкли и, въ свою очередь, пугали большевиковъ, бросаясь на нихъ съ какимъ-то особопронзительнымъ визгомъ.

Пощады врагу они не знали и плѣнныхъ никогда не приводили.

Большимъ недостаткомъ черкесовъ была ихъ безпечность. Ночью они всѣ спали, включая и

часовыхъ. Ихъ бранили, наказывали; ничего не помогало.

— Твоя боится, говорили они, — не спы, а моя не боится, мы спать будэмъ.

Спали, платились за это своими головами и все таки спали.

XXII.
ГОЛОДОВКА. ГЕН. ПОКРОВСКІЙ. ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРЪ.

Въ черкесскихъ аулахъ пришлось немного поголодать.

Здѣсь кончились роскошныя кубанскія равнины, и глинистыя предгорья Кавказа не были такъ плодородны. Къ тому же и черкесы плохіе земледѣльцы; хлѣба было совсѣмъ мало даже для самихъ хозяевъ.

Ихъ главное занятіе — скотоводство; большія стада буйволовъ и овецъ находятъ себѣ прекрасный кормъ въ перелѣскахъ, на полянахъ и по рѣчнымъ долинамъ.

Торговля скотомъ доставляла имъ все необходимое и хлѣбъ, и соль, и всякіе продукты промышленности.

Большой доходъ давалъ имъ также и лѣсъ, который они разрабатывали и свозили на Кубань, гдѣ лѣсной растительности нѣтъ.

Землю изъ-подъ срубленнаго лѣса у черкесовъ брали въ аренду армяне и греки изъ Трапезонда. Они выкорчевывали пни, разрабатыва-

ли землю сначала ручными кирками и сѣяли на ней табакъ. На свѣжей землѣ, никогда не бывшей подъ обработкой, табакъ давалъ великолѣпные урожаи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и щедро отплачивалъ за тяжкіе труды по обработкѣ среди корней и каменьевъ.

За время войны и междуусобій всѣ эти промыслы пали. Большевики разграбили скотъ, угнали лошадей, и черкесы остались безъ всего, что необходимо было для ихъ жизни.

Голодали хозяева, голодали и постояльцы, хотя черкесы и дѣлились съ ними послѣднимъ, соблюдая законы гостепріимства.

Добровольцы запаслись всякими мясными продуктами еще на покинутыхъ большевиками хуторахъ, но всѣ эти запасы пропали даромъ. Оказалось, что черкесы, какъ правовѣрные магометане, не могли готовить въ своей посудѣ живности, зарѣзанной не по ихъ законамъ и не ихъ рѣзниками.

Великолѣпный жирный гусь, потерявшій свою голову при нечаянной встрѣчѣ съ казачьей шашкой, былъ, съ магометанской точки зрѣнія, — поганью.

Съ великой грустью кидали добровольцы и безусловно поганыхъ — молочныхъ поросятъ

Сохрани Богъ, было обидѣть бѣдняковъ черкесовъ и осквернить ихъ посуду и самый очагъ нечистымъ. Корниловъ никогда не простилъ бы этого.

Пожевали кукурузныхъ лепешекъ, подтянули пояса и опять пошли впередъ, навстрѣчу неизвѣстной судьбѣ.

——

Аулъ Шенжи, 14 марта.

Балконы и изгородки усѣяны добровольцами.

Всѣ смотрятъ на дорогу по направленію къ ст. Калужской.

Изъ предмѣстья доносится громкое — „ура". По дорогѣ идетъ конная сотня. На папахахъ наискосокъ зеленая лента съ мусульманскимъ полумѣсяцемъ. То черкесскій отрядъ сопровождаетъ командующаго екатеринодарской арміей ген. Покровскаго, прибывшаго на свиданіе съ ген. Корниловымъ. Рядомъ съ генераломъ—милѣйшій И. Г. Эрдели.

Сзади офицерская сотня.

— Сотня, стой.

Генералы входятъ въ помѣщеніе штаба.

Общее радостное оживленіе.

Среди прибывшихъ много знакомыхъ еще по

германской войнѣ. Взаимные разспросы о близкихъ:

— Гдѣ Ивановъ?

— Убитъ въ Пашковской.

— А Тюмрюковъ?

— Командуетъ сотней. — и т. д.

Оказалось, что екатеринодарская армія, окруженная большими силами противника въ Екатеринодарѣ, вышла изъ него за Кубань, чтобы не быть отрѣзанной отъ горъ Кавказа; куда могла укрыться въ случаѣ неудачи.

Перейдя рѣку армія блуждала въ окрестностяхъ столицы, поджидая Корнилова, о приближеніи котораго имѣлись свѣдѣнія.

Большевики бросились за екатеринодарцами въ погоню, но маленькая армія отбивалась отъ нихъ, хотя и съ большимъ трудомъ.

Тщетно вызывалъ г. Покровскій черезъ радіостанцію: — Корниловъ, Корниловъ... Полное молчаніе. У добровольцевъ безпроволочнаго телеграфа не было.

Потерявъ надежду на соединеніе съ Корниловымъ, кубанская армія рѣшила уйти въ предгорья Кавказа, къ с. Горячій Ключъ. Тамъ мѣстныя условія способствовали бы оборонѣ отъ

большевиковъ, такъ какъ подступы къ селенію преграждались горнымъ хребтомъ.

Послѣдніе бои не были удачными, одинъ изъ отрядовъ арміи оказался отрѣзаннымъ и почти весь погибъ. Недовольство вождями вызвало броженіе среди кубанцевъ, которое грозило очень печальными послѣдствіями. Но это упавшее настроеніе сразу смѣнилось радостными надеждами, когда къ нимъ прорвался наконецъ разъѣздъ корниловцевъ. Теперь они стоятъ въ ст. Калужской.

— Смирно! — раздается команда.

На золотистомъ кровномъ скакунѣ подъѣзжаетъ Корниловъ.

Поздоровавшись съ конвоемъ, онъ въ краткомъ, горячемъ словѣ привѣтствуетъ давно желанное соединеніе армій и зоветъ всѣхъ на новые подвиги во имя великой родины.

Бурный восторгъ овладѣваетъ всѣми, и радостное оживленіе царитъ въ аулѣ.

Теперь всѣ вмѣстѣ. Силы удвоились.

— Въ Екатеринодаръ, въ Екатеринодаръ!

А соединенная даже армія не превышала пяти тысячъ, считая все, что было въ обозѣ, т. е. раненыхъ и больныхъ, врачей, штабныхъ и

штатскихъ, число которыхъ значительно увеличилось съ бѣженцами изъ Екатеринодара.

Но радость объединенія, имена извѣстныхъ всѣмъ генераловъ, непрерывныя удачи добровольцевъ, — все это такъ воодушевляло, что люди забыли о существованіи науки — ариѳметики.

XXIV.

ЛЕДЯНОЙ ПЕРЕХОДЪ. БОЙ ПОДЪ СТ. НОВО-ДМИТРІЕВСКОЙ. ВЪ СТ. КАЛУЖСКОЙ.

На слѣдующій день, 15 марта, добровольцы двинулись изъ аула на соединеніе съ екатеринодарцами. Обозъ арміи долженъ былъ идти въ ст. Калужскую, гдѣ расположился ген. Покровскій, а строевыя части направились къ ст. Ново - Дмитріевской. Эта станица была мѣстной базой большевиковъ.

Красныхъ предполагалось атаковать совмѣстно съ ген. Покровскимъ, который со своей арміей долженъ былъ подойти съ другой стороны по направленію къ ст. Григорьевской.

День былъ пасмурный; шелъ мелкій дождикъ; низкія облака неслись, гонимыя вѣчнымъ нордъ-остомъ. Становилось все холоднѣй и холоднѣй.

Тщетно укутывались добровольцы въ свои лохмотья. Дождь промочилъ насквозь ихъ убогую одежду, а въ дырявыхъ сапогахъ хлюпала ледяная вода.

Прошли такъ половину пути.

Нордъ-остъ разсвирѣпѣлъ; его порывы сли-

лись въ сплошную бурю. Дождь превратился въ ледяныя иглы, больно бившія по лицу.

Верхняя одежда смерзлась и связала движеніе рукъ и ногъ. Лошади также покрылись ледяной корой и еле передвигали ноги.

Добровольцы замерзали на открытыхъ отрогахъ Кавказа.

Наконецъ, вмѣсто дождя сталъ падать снѣгъ гуще и гуще, и все затмеваетъ степной буранъ.

Сгорбленная фигура приткнулась у подножья дерева, и снѣгъ заноситъ ее своей бѣлой пеленой.

Подходитъ санитаръ и расталкиваетъ ее.

— Оставьте, не могу больше, я умираю, — шепчутъ побѣлѣвшія губы, и изъ глазъ молоденькой сестры льются безсильныя слезы.

— Нельзя, сестра, замерзнете; — и санитаръ силой поднимаетъ ее и ведетъ дальше подъ руку.

— Трахъ, — рвется граната у самой дороги, и какъ бы встряхиваетъ понурый отрядъ.

Роты подходятъ къ рѣчкѣ, окаймлявшей ст. Новодмитріевскую.

Объ арміи Покровскаго свѣдѣній нѣтъ, и посланные разъѣзды не нашли никого, кромѣ непріятельскихъ дозоровъ.

Красные уже освѣдомлены о приближеніи добровольцевъ и встрѣчаютъ ихъ огнемъ съ гребня берега.

Что дѣлать?

Маленькая рѣчка отъ дождя превратилась въ бурный потокъ и снесла всѣ мосты.

Подъ непрерывнымъ огнемъ непріятеля выбирается мѣсто, гдѣ теченіе не такъ быстро.

А вдругъ тутъ-то и глубоко?

Ген. Марковъ приказываетъ двумъ плѣннымъ большевикамъ идти въ воду—изслѣдовать бродъ. Тѣ, еле ворочая языкомъ отъ холода, отказываются.

Револьверъ къ носу, и красные уже въ рѣчкѣ; барахтаясь и спотыкаясь, переходятъ они, по грудь въ водѣ, на другой берегъ.

— Посадить пѣхоту на крупы коней и маршъ, командуетъ Марковъ.

Добровольцы не могутъ сами сѣсть верхомъ,— вся одежда превратилась въ ледъ. Ихъ подсаживаютъ и поочередно перевозятъ черезъ потокъ.

Менѣе терпѣливые бросаются сами въ эту кашу изъ снѣга и воды, держа надъ головой винтовки и патроны.

— Пропалъ табачекъ, — горюетъ неисправимый курильщикъ.

Артиллерія добровольцевъ молчитъ. Орудія вмерзли въ грязь при остановкѣ, и ихъ бросили.

Непріятельскій огонь неистовствуетъ, и грохотъ орудій вырывается изъ завываній бури.

Добровольцы лѣзутъ на крутой, обледенѣлый откосъ берега. Скользятъ, падаютъ; метель слѣпитъ глаза, руки коченѣютъ отъ холодной, какъ ледъ, винтовки; впередъ, впередъ на эти бьющіе въ упоръ пулеметы!

Вотъ кучка офицеровъ уже на гребнѣ и ударила въ штыки.

Красные, не видя, сколько врага, бросаютъ все и бѣгутъ черезъ станицу.

Добровольцы преслѣдуютъ ихъ, а другіе очищаютъ хаты.

Въ серединѣ станицы даже не знали, что армія уже вошла, и много красныхъ захватили врасплохъ; они не думали, чтобы въ такую погоду можно было вести серьезное наступленіе, а, за шумомъ бури, засѣвши въ теплыя хаты, вѣроятно, не слыхали и звуковъ боя въ самой станицѣ.

Ген. Корниловъ со штабомъ вошелъ въ селе-

ніе вмѣстѣ съ передовыми отрядами и, по обыкновенію, направился на площадь, къ станичному управленію.

Оттуда ихъ встрѣтили огнемъ изъ винтовокъ и, только послѣ перестрѣлки, командующій арміей завоевалъ себѣ право на убѣжище отъ метели.

— Только наши баричи, — говорилъ генералъ Марковъ, — могутъ драться въ такой сатанинской обстановкѣ.

——

Пока шелъ бой подъ Ново-Дмитріевской, обозъ тянулся по дорогѣ въ Калужскую.

Несчастные раненые и больные, какъ ни были они укрыты одѣялами и халатами, реквизированными въ послѣдней ст. Рязанской, — испытывали страшный холодъ. Одежда обледенѣвъ, коробилась, и дьявольскій вѣтеръ пробиралъ насквозь.

Грязь была невылазная, и кони еле-еле плелись по размокшей, липкой глинѣ съ косогора на косогоръ.

Только въ сумерки подобрались къ станицѣ отсталыя повозки, а все разстояніе было 16 верстъ.

Поздно вечеромъ начальнику снабженій гене-

ралу Эльснеру доложили, что одна повозка съ четырьмя ранеными не пришла, и никто ихъ не видѣлъ.

Немедленно послали верховыхъ на розыски; тѣ всю ночь искали повозку, прошли по дорогѣ вплоть до Шенжи и лишь на обратномъ пути, на разсвѣтѣ, замѣтили въ сторонѣ отъ дороги, пропавшихъ.

Повозка стояла среди рѣки. Обледенѣлые раненые были безъ движенія и безъ языка.

Потомъ они разсказали, что разыскивая дорогу получше, несчастные возницы забрели въ яму въ рѣкѣ, и усталые кони не смогли ихъ вытащить. Кругомъ вода, а ихъ криковъ о помощи не слышно было за бурей. Такъ и провели всю ночь подъ снѣжнымъ бураномъ.

Милость Божья покровительствовала добровольцамъ. Десятки коней пали послѣ этого ледяного перехода; но изъ раненыхъ и больныхъ умеръ только одинъ. Многіе жестоко простудились, но, похворавъ, оправились. Правду говорятъ, что человѣкъ — одинъ изъ самыхъ выносливыхъ животныхъ.

Корниловскіе обозные по приходѣ въ станицу, къ своему величайшему удивленію, встрѣча-

ли на предназначенныхъ имъ квартирахъ строевыя части екатеринодарской арміи.

Кто же пошелъ на подмогу добровольцамъ?

Никто.

Правда, конныя части все-таки были посланы, но вернулись, объявивъ, что рѣки разлились, и кони не пошли въ воду.

Въ Корниловской арміи подобное неисполненіе приказанія было немыслимымъ.

При реорганизаціи арміи въ ст. Ново-Дмитріевской, ген. Покровскій, несмотря на свои колоссальныя услуги Кубани, командованія частью не получилъ.

—·—

Въ ст. Калужской въ числѣ бѣженцевъ изъ Екатеринодара оказались б. предсѣдатель Гос. Думы, М. В. Родзянко, и сынъ его Н. М., бывшій потомъ въ арміи начальникомъ санитарной части.

———

XXIV.

РЕОРГАНИЗАЦІЯ АРМІИ. ПОЛК. КОРВИНЪ-КРУКОВСКІЙ. СУДЪ И КАЗНИ, ДОМАШНІЯ ДѢЛА.

Въ ст. Ново-Дмитріевской армія приводила въ порядокъ различныя свои домашнія дѣла.

Съ кубанцами было заключено соглашеніе, по которому ихъ армія была подчинена Корнилову.

Соединеніе армій требовало ихъ реорганизаціи.

Всѣ оставшіяся еще мелкія воинскія части были соединены въ крупныя единицы, и войска были сведены въ три бригады: 1-я, подъ командой г.-л. Маркова, состояла изъ офицерскаго добровольческаго и стрѣлковаго кубанскаго полка; 2-я, подъ командой г. м. Богаевскаго, — изъ корниловскаго и партизанскаго полковъ, и 3-я, подъ командой г. отъ инф. Эрдели — изъ всѣхъ конныхъ частей — двухъ офицерскихъ полковъ и одного черкесскаго.

Пришелъ въ Ново-Дмитріевскую и соединенный обозъ арміи. Дорога была ужасная; выпав-

шій снѣгъ растаялъ, всѣ ручьи превратились въ бурные потоки и уничтожили мосты.

Помогъ переходу комендантъ арміи пол. Корвинъ-Круковскій — герой знаменитой въ свое время „Козювки“ на Карпатахъ, гдѣ онъ со своими стрѣлками день и ночь отбивалъ повторныя атаки превосходныхъ силъ.

Полковникъ былъ не только храбрымъ воиномъ и строгимъ командиромъ, но оказался и находчивымъ инженеромъ. Изъ всякаго, казалось бы, неподходящаго матеріала: сломанной телѣги, изгороди, соломы, онъ созидалъ, при содѣйствіи плѣнныхъ большевиковъ, какія то небывалыя сооруженія; называлъ ихъ мостами и переводилъ черезъ нихъ обозы. Долго-ли потомъ его постройки прославляли архитектора,— неизвѣстно, но обозы соединились съ арміей.

Изъ Ново-Дмитріевской были посланы отряды, которые и заняли съ боями ближайшія селенія Смоленскую и Григорьевское, куда пытались укрыться красные послѣ боя 12 марта.

Долго простояла армія въ этой станицѣ. Но тутъ, въ связи съ полученными свѣдѣніями, рѣшался цѣлый рядъ вопросовъ о дальнѣйшихъ ея дѣйствіяхъ.

Никто не сомнѣвался, что Екатеринодаръ падетъ. Развѣдчики приносили самыя благопріятныя вѣсти. Гарнизонъ въ столицѣ, будто, слабый, всего нѣсколько тысячъ; артиллеріи немного; большевистское начальство перессорилось и т. п. Отсюда дѣлались и соотвѣтствующіе выводы.

Весь вопросъ заключался только въ томъ, какъ атаковать Екатеринодаръ. Городъ стоялъ по ту сторону Кубани, и для перехода черезъ рѣку былъ только одинъ мостъ. Такой путь не могъ считаться надежнымъ; стоило подорвать мостъ и вопросъ исчерпанъ. Слѣдуетъ, очевидно, искать иныхъ способовъ.

Подумали, поразспросили и нашли; но рѣшеніе совѣта держали въ самой строгой тайнѣ, и никто его не зналъ. Подъ большимъ секретомъ передавали, что армія пойдетъ на кубанскую столицу все-таки прямо, кратчайшимъ путемъ, т. е. черезъ Георгіе-Афинскую и вдоль желѣзной дороги черезъ Энемъ.

Этотъ секретъ сдѣлался секретомъ полишинеля, что и требовалось. Конечно, онъ немедленно былъ сообщенъ и противнику.

Шпіоны въ арміи были, и, къ сожалѣнію, они проникали во всѣ мѣста, гдѣ могли получить

нужныя имъ свѣдѣнія. Когда ихъ ловили, то, конечно, немедленно уничтожали.

Казнили также и большевистскихъ комиссаровъ, если, по произведенному разслѣдованію оказывалось, что они злоупотребляли своей властью.

Мелкихъ преступниковъ наказывали нагайкой, въ особенности за кражу и за стрѣльбу въ воздухъ на стоянкахъ. Кража лошади или насиліе надъ жителями каралось смертью.

Въ Ново-Дмитріевской въ свободное сравнительно время, военно-полевой судъ разобралъ цѣлый рядъ дѣлъ по старымъ еще счетамъ, и восемь человѣкъ были повѣшены на площади.

Среди нихъ были два добровольца, осужденныхъ за насиліе надъ женщинами. Это были персы изъ Корниловскаго полка, приставшіе къ арміи по дорогѣ.

Пользуясь досугомъ, добровольцы справляли свои дѣла.

День и чуть не всю ночь работали кузнецы, перековывая лошадей и ремонтируя повозки. Все износилось, истрепалось по ужаснымъ дорогамъ въ весеннюю распутицу. Сапожники чинили остатки обуви, а сами добровольцы, смѣш-

но держа иглу впередъ себя, зашивали свои лохмотья и чинили сбрую.

Всѣ работали между ежедневными боями съ большевистскими отрядами. Врагъ не спалъ и постоянно тревожилъ армію усиленными рекогносцировками. Шрапнели надъ станицей рвались съ утра до вечера. Но къ этому такъ привыкли, что никто не обращалъ вниманія; только счетъ раненыхъ увеличивался съ каждымъ днемъ.

XXV.
ВЪ ГЕОРГІЕ-АФИНСКОЙ. ПЛАНЪ КОРНИЛОВА. ПЛАВНИ.

26 марта, утромъ, соединенныя арміи выступили изъ Ново-Дмитріевской, прямой дорогой, въ Георгіе-Афинскую, что и подтверждало, какъ будто, всѣмъ извѣстный секретъ.

Вновь добровольцы увидѣли своего стараго врага, желѣзную дорогу, и броневые поѣзда послали имъ свои привѣтствія.

Послѣ упорнаго боя станица была занята, но броневой поѣздъ подходилъ со стороны Екатеринодара на такую дистанцію, что могъ обстрѣливать селеніе. Эта непріятность была послѣдствіемъ неточнаго исполненія приказанія, даннаго полк. Х.

Онъ хотя и испортилъ предшествовавшей ночью желѣзную дорогу, но не подорвалъ всѣ мосты, которые были ему указаны, и тѣмъ не оградилъ станицу отъ обстрѣла броневикомъ. Въ тотъ же день пол. Х былъ отставленъ отъ командованія частью.

Занявъ Георгіе-Афинскую, Корниловъ остался

тамъ ночевать; но, въ тотъ же вечеръ, конница вышла изъ станицы съ неизвѣстнымъ никому приказаніемъ.

На слѣдующій день армія, взорвавъ за собой мосты, вышла изъ станицы; но взяла направленіе не на сѣверо-востокъ, гдѣ находился Екатеринодаръ, а на сѣверо-западъ, на аулъ Панахесъ. Только въ пути узнали дѣйствительный секретъ Корнилова и то тогда, когда посланный отъ ген. Эрдели доложилъ, что приказаніе, ему отданное, уже исполнено.

Ген. Эрдели захватилъ внезапнымъ набѣгомъ оба берега Кубани у ст. Елизаветинской, вмѣстѣ съ паромной переправой. Тамъ армія и должна была перейти Кубань. Этотъ планъ не былъ совершенно предусмотрѣнъ большевиками, хотя ст. Елизаветинская расположена отъ Екатеринодара, по прямой дорогѣ, всего въ 16 верстахъ и должна была бы находится подъ наблюденіемъ.

Дорога въ Панахесъ, проселками, была опять отвратительной,—сплошная топкая грязь; много повозокъ съ цѣннымъ военнымъ имуществомъ было брошено, чтобы протащить остальное. Но, никто не предполагалъ, что ожидаетъ армію за ауломъ.

Поздно вечеромъ измученные кони, слегка подкормленные въ Панахесѣ, вошли съ повозками въ плавни.

Это было нѣчто неописуемое. Плавни, просто глубокое болото, образовавшееся отъ разлива рѣки. Путь по плавнямъ указывается темной полосой, перемолотой колесами травы и грязи. Никакой настилки изъ хвороста или изъ бревенъ (знаменитые чертовы ребра), какъ дѣлается на сѣверѣ, не полагается.

Повозки сейчасъ же увязли, а кони стали.

Началась самая мучительная работа. И кони, и люди, впрягшись въ постромки, съ невѣроятными усиліями, протаскивали повозку на нѣсколько десятковъ саженей и совершенно измученные останавливались. Передохнувъ нѣсколько минутъ, снова принимались за тотъ же адскій трудъ.

Все это происходило въ темную, безлунную ночь въ насыщенной болотными міазмами атмосферѣ.

Вотъ лопнула постромка. Конь рвется впередъ, путается въ возжахъ и становится поперекъ дороги. Тащи его назадъ, вяжи постромку; а упряжь вся мокрая, въ грязи, руки скользятъ; насилу завяжешь узелъ.

Вотъ, наконецъ, выбрались на мѣстечко посуше; валишься на землю безъ силъ, безъ воли и безъ мысли.

Но, не ночевать же тутъ, и снова въ грязь. Впереди что-то ворочается.

— Стой. —

— Смотришь — брошенный конь; отлежался и силится встать, но не можетъ. Помогай и ему, иначе не проѣдешь. Конь поднялся и плетется сзади какое-то грязное, взъерошенное чучело.

Лошади захрапѣли и стали. Передъ ними огромная лужа, прямо озерко. Объѣзда не видать.

Иди въ лужу, изслѣдуй путь.

Подберешь фалды шинели и прешь прямо, на авось. Ледяная вода льется за голенища.

Что-то чернѣетъ. Опрокинутая повозка; а съ боку только дышло торчитъ, телѣгу уже засосало. Упаси Боже.

Прошелъ, пощупалъ ногами, гдѣ дно потверже.

— Ѣзжай прямо на меня. —

— Да гдѣ ты? —

— Тутъ, прямо. —

— Гдѣ прямо? ничего не видать. —

— Да ѣзжай на голосъ, чортъ.

И смѣхъ и горе.

Кони пѣнятъ копытами воду и опять не идутъ.

Тащись назадъ, весь въ тинѣ, какъ лѣшій.

До самой смерти не забудешь этой ужасной ночи. Но шли и шли измученные, ошалѣлые; кляли только штабъ, что не поставилъ живыхъ маяковъ на распутьяхъ, и многіе заблудились.

XXVI.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ КУБАНЬ. ЧЕХО-СЛОВАКИ. ЛОЖНАЯ РАДОСТЬ. НѢТЪ ПАТРОНОВЪ. КОРНИЛОВЪ УБИТЪ.

На берегу Кубани, противъ Елизаветинской, суета. 2-я и 3-ья бригады уже переправились и второй день бьются подъ Екатеринодаромъ.

Марковцы охраняютъ тылъ переправы, отбивая бурныя атаки матросовъ, подоспѣвшихъ изъ Новороссійска.

Переправа шла медленно; пригнанный изъ сосѣдняго имѣнія второй паромъ оказался дырявымъ, и тросъ его не былъ въ порядкѣ. Но молодцы чехи изъ инженернаго баталіона работали безъ устали. Сростили второй канатъ, законопатили паромъ и перевозка ускорилась.

Тросъ снова рвется; опять за работу.

Много помогли арміи эти чехи еще ранѣе починкою непроходимыхъ, казалось, гатей и разрушенныхъ мостовъ. И сейчасъ же отъ топора и лопаты — за винтовку и смѣло въ бой.

Ихъ начальники — горбатенькій полковникъ Краль и подп. Нѣметчикъ, всегда ровные и спо-

койные, какъ въ бою, такъ и за работой, были неутомимы. Немного чеховъ вернулось изъ похода; полегли костьми за родную имъ, — единую Россію.

Третій день идетъ переправа. Круглыя сутки работаютъ паромы. Въ полномъ порядкѣ, не задерживаясь, но и не обгоняя другъ друга слѣдуютъ повозка за повозкой. Начальство торопитъ, а паромы маленькіе; возы тяжелые, и тросы ненадежны; поневолѣ переправа затягивается.

— Екатеринодаръ взятъ — несется по обозу, и бурный восторгъ царитъ на берегу. Всѣ оживлены, веселы.

Къ парому подлетаетъ посланный отъ кубанскаго правительства:

— Очистите дорогу, — обращается онъ къ дежурному офицеру, — сейчасъ подъѣдетъ правительство и рада.

— Въ очередь, — спокойно отвѣчаетъ распоряжающійся переправой.

— Помилуйте, это недопустимо. Войска войдутъ одни въ столицу, безъ правительства? —

— Шли бы раньше, безъ войскъ, — острятъ изъ толпы.

— Мы будемъ жаловаться командующему, — грозитъ посланецъ.

— Жалуйтесь.

Но, не сегодня и не завтра войска не вошли въ Екатеринодаръ.

Слухъ оказался ложнымъ.

Большевиковъ было въ десять разъ больше, чѣмъ предполагалъ штабъ.

Всѣ снаряды и патроны уже выданы изъ обоза, но ихъ нѣтъ и на фронтѣ.

— Соберите все, что осталось у обозныхъ— приказываетъ Корниловъ.

Осматривается каждая повозка и еще ящикъ поскакалъ на позицію.

— Еще патроновъ.

Но ихъ уже нѣтъ.

Инж. Половцовъ собираетъ въ станицѣ толпу ребятъ, съ ними идетъ сзади цѣпей и въ оставленныхъ красными окопахъ находитъ еще нѣсколько тысячъ патроновъ.

Пули свистятъ кругомъ, но дѣти не боятся.

Большевики, замѣтивъ маленькую армію, кроютъ ребятъ шрапнелями.

Половцовъ, боясь за своихъ помощниковъ, выводитъ ихъ изъ огня.

Спѣшно подходитъ къ переправѣ 1-я бригада.

Ген. Марковъ недоволенъ.

— Вотъ теперь зовутъ, — къ шапочному разбору. Эхъ, штабъ, штабъ; давно бы взялъ городъ, а тутъ — торчи въ болотѣ.

Пошла въ бой и 1-я бригада. Чудеса храбрости показали офицеры. Домъ за домомъ, кварталъ за кварталомъ, — заняли половину города и вышли уже на главную улицу — Красную.

У врага паника. Спѣшно грузятся красные на подводы и въ поѣзда; лихорадочно эвакуируютъ свое награбленное имущество, все, что въ данную минуту кажется наиболѣе цѣннымъ.

Раненые, конечно, брошены.

Завтра городъ очистятъ.

Но, вдругъ, что-то мрачное и страшное ползетъ по рядамъ добровольцевъ.

Люди блѣднѣютъ, руки опускаются, и винтовка валится на землю.

Беззавѣтные храбрецы, закрывъ лицо, рыдаютъ какъ дѣти.

— Корниловъ убитъ.

Эта ужасная вѣсть несется въ воздухѣ.

Непріятель видитъ что-то недоброе и удваиваетъ усилія.

Отрядъ черноморцевъ вырывается съ фланга, грозитъ отрѣзать армiю отъ обоза.

Ген. Эрдели бросаетъ всю конницу въ атаку. Мѣсто топкое, поросшее кустами и деревьями. Черноморцы мѣткимъ, прицѣльнымъ огнемъ встрѣчаютъ кавалерiю.

Но месть, месть за убитаго, — и полки несутся, какъ бѣшеные. Рубятъ съ плеча, топчутъ лошадьми, и отборное войско „товарищей" мечется въ ужасѣ. Влѣзаютъ въ кусты, прячутся за деревьями, но вездѣ достаетъ ихъ острая шашка, а пощады нѣтъ.

Триста всадниковъ, однако, полегло на мѣстѣ, и среди нихъ красавецъ - прапорщикъ, о которомъ упоминали раньше. Онъ палъ въ день смерти своего судьи. Защищая дѣвственной грудью командира полка, баронесса Бодэ была сражена на смерть пулей въ сердце.

Обходная колонна разбита, и грозная опасность для обоза, со всѣми ранеными, миновала.

Въ ночь, съ 31 марта на 1-е апрѣля, намѣченъ былъ общiй штурмъ столицы.

Но командующiй былъ убитъ, и это страшное событiе должно было повлiять на все дальнѣйшее.

Л. Г. Корниловъ былъ смертельно раненъ и контуженъ большевистской гранатой, взорвавшейся въ комнатѣ, гдѣ онъ сидѣлъ одинъ за столомъ, разсматривая карту окрестностей Екатеринодара.

Въ моментъ взрыва въ комнату входилъ адъютантъ Доминскій со стаканомъ чая для генерала, но былъ выброшенъ газами взрыва.

Прибѣжавшими штабными командующій былъ найденъ лежащимъ на полу въ безсознательномъ состояніи. Черезъ часъ, около 9 ч. утра, 31 марта 1918 г., Л. Г. Корниловъ, не приходя въ сознаніе, скончался.

Его смерть произвела потрясающее дѣйствіе на Добровольческую Армію. Его боготворили добровольцы, безпредѣльно вѣрили ему и безпрекословно исполняли его приказанія.

Онъ всегда былъ среди нихъ, а во время боя, иногда, даже и впереди ихъ.

Добровольцы видѣли его всюду, на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, совершенно спокойнымъ и ровнымъ.

Онъ ничего и никого не боялся, и армія совершала чудеса.

— Командующій приказалъ. — Это было альфой и омегой. Приказаніе невѣроятное. Пре-

пятствія неодолимыя. Но все летѣло прахомъ.

— Командующій приказалъ.

Это былъ человѣкъ желѣзной воли и неодолимой энергіи.

Жизнь его была несладка. Судьба то возвышала его, то низвергала въ пропасть. Сегодня онъ вождь, а завтра плѣнникъ. Опять вождь, верховный вождь всей русской арміи, и опять — въ Быховской тюрьмѣ.

Бой былъ его стихіей. Свистали пули, гремѣли пушки, рвались гранаты, а онъ улыбался.

Его умоляли беречь себя, ему доказывали, что Добровольческая армія не нуждается въ примѣрѣ; — онъ пожималъ плечами.

Вѣрные текинцы силой стаскивали его со стога, откуда онъ слѣдилъ за боемъ, осыпаемый снарядами; онъ уходилъ безъ конвоя.

Это былъ геній войны, онъ смѣялся надъ смертью, и смерть щадила его. Но, всему положенъ предѣлъ.

Во время штурма Екатеринодара Корниловъ жилъ въ маленькомъ домикѣ, на фермѣ Кубанскаго Экономическаго Общества, верстахъ въ пяти отъ казачьей столицы. Красные, очевидно, знали его мѣстопребываніе, и гранаты рвались кругомъ домика.

Всѣ окружающіе умоляли его перенести ставку въ другое мѣсто; онъ не отвѣчалъ.

Такъ погибъ нашъ народный герой, погибъ наканунѣ осуществленія своей мечты — возрожденія русской арміи.

Но, жизнь не ждетъ, армія ни на минуту не можетъ остаться безъ головы, и, приказомъ ген. Алексѣева, командующимъ добровольцами былъ назначенъ помощникъ Корнилова, г.-л. А. И. Деникинъ.

XXVII.

ОТСТУПЛЕНІЕ. С. ГНАЧБАУ.

Новый командующій созвалъ военный совѣтъ.

Армія пала духомъ. Истомленные пятидневными непрерывными боями, добровольцы были сражены вѣстью о смерти своего вождя.

Екатеринодаръ взять еще можно, но потери уже понесены колоссальныя. Въ нѣкоторыхъ частяхъ осталось въ строю не болѣе 40 процентовъ; остальные убиты или тяжело ранены; легко раненые не считались, — всѣ они возвращались въ строй.

Новый штурмъ повлекъ бы за собой и новыя потери.

Что же осталось бы на защиту Екатеринодара, если бы и удалось его взять? Ничтожная горсточка измученныхъ людей.

Между тѣмъ силы красныхъ были велики. Въ нѣсколько дней они собрали въ Екатеринодаръ до 40.000 солдатъ, около 40 орудій и подвезли 4 броневыхъ поѣзда.

У добровольцевъ въ строю осталось не бо-

лѣе 1.800 — 2000 чел. На возстаніе казаковъ надежды были сомнительныя. Въ Елизаветинской станицѣ мобилизовали нѣсколько сотенъ.

Имъ роздали винтовки и поставили въ строй. Казаки не выдержали упорнаго боя и вернулись домой. Ясно было, что ни на кого, кромѣ своихъ, надѣяться было нельзя.

Совѣтъ рѣшилъ отмѣнить назначенный штурмъ и отвести армію отъ Екатеринодара.

Въ ту же ночь, съ 31 марта на 1 апрѣля, обозъ двинулся изъ Елизаветинской на сѣверъ и, прикрывая его, отошла и армія.

Отходили ускореннымъ маршемъ, для пѣхоты брали подводы въ селеніяхъ; но это не было безпорядочнымъ, паническимъ бѣгствомъ. Отступали въ полномъ порядкѣ.

Большевики не преслѣдовали, опасаясь какого нибудь скрытаго маневра. Лишь броневые поѣзда посылали снаряды въ догонку.

Къ вечеру того же дня, при подходѣ къ одному изъ хуторовъ, окружавшихъ нѣмецкую колонію Гначбау, добровольцы были встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ. Армія перестроилась къ бою, а обозъ, подъ прикрытіемъ одной охранной роты изъ 50 инвалидовъ былъ посланъ другой дорогой въъ обходъ.

Но, мѣстность была заполнена большевистскими отрядами, и черезъ нѣсколько верстъ и надъ обозомъ стали рваться шрапнели. Однако, обозъ шелъ прямо на артиллерію, и орудія смолкли. Очевидно, большевики не поняли, кто былъ передъ ними, и отступили.

Поздно вечеромъ собралась армія въ колоніи Гначбау, и измученные шестидесяти-верстнымъ переходомъ, безъ сна и отдыха, добровольцы заснули мертвымъ сномъ.

На другой день, 2 апрѣля, оказалось, что армія была окружена превосходными силами непріятеля. Одиннадцать орудій гремѣли со всѣхъ сторонъ и засыпали снарядами колонію.

Гначбау — селеніе изъ небольшихъ; армія размѣстилась въ страшной тѣснотѣ. Улицы и переулки были загромождены повозками, а въ хатахъ мѣста не хватало.

Все было на улицѣ, подъ непрерывнымъ огнемъ.

Положеніе казалось критическимъ. Силъ не хватало отбивать пѣхотныя атаки, а снарядовъ и патроновъ въ обозѣ совсѣмъ не осталось. Все было отдано частямъ еще во время Екатеринодарскихъ боевъ; даже у раненыхъ, ѣхавшихъ на повозкахъ, были отобраны послѣдніе

патроны и оставили только по одной обоймѣ, — четыре патрона на врага и одинъ на себя.

Рѣшено было прорываться; будь, что будетъ. Можетъ быть, кто-нибудь и уцѣлѣетъ.

Обозомъ, конечно, придется пожертвовать; можно ли было себѣ представить, чтобы 1.500 повозокъ могли прорваться вмѣстѣ съ арміей?

Однако, жертвовать всѣмъ своимъ небольшимъ, но весьма цѣннымъ, военнымъ имуществомъ, а въ особенности транспортомъ раненыхъ, было невыносимо тяжело.

Надо было попытаться спасти, что можно. Облегчили обозъ, оставили въ колоніи все менѣе цѣнное, уничтожили орудія, кромѣ четырехъ, и въ голову обоза помѣстили санитарный транспортъ.

Къ вечеру огонь непріятеля усилился; шрапнели и гранаты рвались непосредственно одна за другой, а то и по двѣ, по три сразу. Хотя большевики стрѣляли плохо, и шрапнели рвались высоко, но скученный на улицахъ обозъ несъ потери; приказано было вывезти его за колонію, въ ложбину.

Лишь только обозъ двинулся, непріятель довелъ огонь до степени ураганнаго и началъ крыть дорогу, ведущую на сѣверъ; армія, од-

нако, пошла другой дорогой на востокъ, что, по счастію, не было замѣчено красными.

Наступила темнота; обозъ скучился въ верстѣ отъ колоніи. Партизаны отстаивали подступы къ Гначбау.

Часъ томительнаго ожиданія.

Г. Марковъ, шедшій съ офицерскимъ полкомъ, во главѣ обоза, внимательно прислушивается.

Огонь прекратился. Темно, тихо, ни звука.

Но вотъ, далеко впереди, какъ будто кто то крикнулъ; громче и громче; послышалась учащенная стрѣльба, и отдаленное „ура" доносится до ген. Маркова.

— Рысью, маршъ, — командуетъ генералъ. „Ура" — было условнымъ знакомъ. Обложеніе прорвано тамъ, гдѣ большевики не ожидали.

Обозъ стремительно несется по дорогѣ. Пролетѣвъ такъ верстъ десять, даютъ вздохнуть лошадямъ и опять рысью.

— Вырвались.

Полной грудью вздохнули добровольцы.

Свободны.

Да, сейчасъ свободны, но впереди переходъ черезъ желѣзную дорогу и тамъ ждутъ четыре броневыхъ поѣзда.

Между тѣмъ достаточно и одного, чтобы уничтожить эту безоружную горсточку.

Вся армія, на самомъ дѣлѣ, представляла изъ себя большой обозъ съ прикрытіемъ по одному добровольцу на повозку.

XXVIII.

БОЙ СЪ БРОНЕВЫМИ ПОѢЗДАМИ ПОДЪ СТ. МЕДВѢДОВСКОЙ.

Обозъ крадется въ ночной темнотѣ.

Ни слова, ни огонька отъ папиросы.

Сто шаговъ въ сторону, и ничего невидно, ничего не слышно, кромѣ какого-то шелеста; черноземная пыль заглушаетъ все движенie. Усталые кони не ржутъ.

Въ сторонѣ серебрится озеро. Во рту пересохло; хорошо бы напиться и коней напоить, да некогда; каждая потерянная минута можетъ стоить жизни сотнямъ людей.

Тихо бѣжитъ по обозу: — „стой".

Обозъ замеръ.

Впереди что-то чернѣетъ.

Желѣзно-дорожная будка.

Ген. Марковъ, со штабомъ входитъ въ будку. Сторожа сейчасъ же схватываютъ.

Телефонный звонокъ. Марковъ подходитъ къ телефону.

— Кто говоритъ? — спрашиваетъ генералъ.

— Станцiя Медвѣдовская. Что, не видать кадетовъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Марковъ, все тихо.

Въ полуверстѣ отъ будки находится станція Медвѣдовская, гдѣ, по свѣдѣніямъ, добытымъ отъ сторожа, стоятъ два броневыхъ поѣзда.

Генералъ приказываетъ полк. Лаврентьеву съ двумя офицерскими ротами прокрасться на станцію и захватить поѣзда.

Роты неслышно уходятъ.

Добровольцы располагаются по обѣ стороны пути; одно орудіе ставятъ у будки, а другое осторожно перевозятъ черезъ желѣзную дорогу.

Стихаетъ. Въ станицѣ Медвѣдовской, за дорогой, перекликаются пѣтухи. Небо свѣтлѣетъ. Сова безшумно летитъ надъ полемъ и вдругъ испуганно шарахается въ сторону.

Звѣзды одна за другой тихо угасаютъ. На востокѣ показываются отблески зари. Въ кустахъ зачирикала какая-то ранняя птичка.

Всѣ молча ждутъ.

Но вотъ, слѣва, отъ станціи, на рельсахъ замелькали огни.

Добровольцы затаились.

Безшумно, медленно, какъ бы нащупывая каждый шагъ, подходитъ поѣздъ. Въ классныхъ

вагонахъ, зачѣмъ то прицѣпленныхъ къ броневику, виденъ свѣтъ, слышны разговоры, смѣхъ.

Вдругъ все смолкло. Что-то замѣтили, и въ ночную темноту врываются столпы огня и грохотъ пулеметовъ

Ген. Марковъ выскакиваетъ къ паровозу и, грозя нагайкой, кричитъ:

— Стой, такіе-сякіе, не стрѣляй, — свои.

Большевики ошалѣваютъ.

Въ тотъ-же моментъ снарядъ изъ добровольческаго орудія попадаетъ въ колеса локомотива и паровозъ садится на мѣстѣ

Добровольцы бросаются къ поѣзду. Ихъ осыпаютъ непрерывнымъ огнемъ.

Ручныя гранаты летятъ въ вагоны. Одинъ загорается. Красные выскакиваютъ, но ихъ встрѣчаютъ штыками.

На крышѣ броневого вагона г. Марковъ суетъ бомбу въ отверстіе для воздуха.

Въ другой вагонъ попадаетъ снарядъ изъ орудія.

Страшные взрывы.

Все мѣшается.

Безпорядочная стрѣльба въ темнотѣ. Безумные вопли горящихъ. Ужасные звуки рукопаш-

наго боя, когда люди превращаются въ бѣшеныхъ звѣрей, и нѣтъ пощады никому.

Какая то оргія огня и крови.

Еще взрывъ, и все кончено.

Поѣздъ взятъ, большевики уничтожены.

— Вторая батарея — карьеромъ въ авангардъ, — несется приказъ ген. Маркова по обозу.

— Нельзя такъ передавать приказаніе,— возмущается одинъ изъ штабныхъ фазановъ, засѣвшій въ коляскѣ. — Не смѣйте передавать,— кричитъ онъ сосѣдней повозкѣ.

— Телефонъ еще не проведенъ, г. полковникъ, — слышится въ темнотѣ.

Два орудія, шедшія въ центрѣ обоза, скачутъ, сломя голову, и поспѣваютъ во время.

Разсвѣтаетъ.

Справа показывается еще броневой поѣздъ и кроетъ гранатами переѣздъ черезъ желѣзную дорогу.

Удачный, первый же, снарядъ добровольческаго орудія заставляетъ его испуганно отодвинуться.

Обозъ вскачь несется черезъ переѣздъ.

Непріятельскіе снаряды рвутся съ недолетомъ

въ пятидесяти саженяхъ до перехода черезъ линію, и осколки визжатъ надъ обозомъ.

Армія вытягивается по дорогѣ къ ст. Дядьковской.

Всѣ радостны, возбуждены.

Вмѣсто неминуемой, казалось, гибели — огромная добыча — 800 снарядовъ и 100.000 патроновъ; уничтожены полтора броневыхъ поѣзда. Одинъ на переѣздѣ, а отъ другого, на станціи, посланными двумя ротами, захвачена была половина; другая половина съ паровозомъ успѣла отцѣпиться и ушла.

— Ай-да Марковъ — хохочутъ добровольцы — нагайкой броневикъ остановилъ.

Произошло, дѣйствительно, что-то невѣроятное.

Все это скрутило ночное время и темнота, а съ другой стороны смѣлая рѣшительность и самообладаніе добровольцевъ.

Все хорошо, что хорошо кончается.

Пробѣгая черезъ станицу, добровольцы захватываютъ еще добычу.

Шт.-кап. Половцовъ розыскалъ большой складъ бѣлья, въ которомъ такъ нуждались раненые. Пор. Трамдахъ нашелъ еще патроны въ скла-

дѣ и при розыскахъ открылъ тайное мѣстопребываніе начальника Красной карательной экспедиціи, посланной только что со станціи въ станицу, и захватилъ его самого.

Въ довершеніе всѣхъ благъ тотъ же Трамдахъ нашелъ и порядочный складъ винограднаго спирта, увеселявшаго карательный отрядъ.

— Пошелъ купаться Веверлей, — Осталась дома Доротея, — несется шуточная пѣсенка изъ рядовъ молодежи.

Екатеринодарскіе ужасы уже пережиты, а осада Гначбау замѣнилась Медвѣдовской побѣдой.

Четыре броневыхъ поѣзда не сумѣли заградить путь, шириной въ двѣ сажени.

И кому? Ничтожному, почти безоружному, отряду измученныхъ людей.

Четвертый поѣздъ, какъ оказалось, встрѣтился съ добровольческой кавалеріей, посланной для демонстраціи перехода, на семь верстъ сѣвернѣе настоящаго мѣста.

Кавалерія переходила по желѣзно-дорожному мосту; коней переводили по боковымъ доскамъ.

Поѣздъ сразу открылъ пулеметный огонь. Лошади взбѣсились, часть ихъ вырвалась изъ

рукъ и попала на середину моста, гдѣ кони и провалились ногами между шпалами.

Кавалерія ускакала, а живая каша изъ коней на мосту помѣшала этому поѣзду во время подойти къ мѣсту боя.

XXIX.

ПОСЛѢДСТВІЯ БОЯ ПОДЪ МЕДВѢДОВСКОЙ. СНОВА ВЪ ТРЕУГОЛЬНИКѢ. ВѢСТИ СЪ ДОНА. ПОЛ. БАРЦЕВИЧЪ. КУБАНСКІЯ БОГАТСТВА.

Бой 3 апрѣля, подъ Медвѣдовской, сослужилъ большую службу добровольцамъ.

Хотя армія и вырвалась изъ двойного желѣзнаго кольца, ее окружавшаго, но положеніе добровольцевъ было еще очень затруднительнымъ.

Армія находилась въ самомъ гнѣздѣ большевизма на Кубани, на границѣ Тамани и Черноморья.

Силы красныхъ были здѣсь велики, и всѣ потери ихъ возстанавливались пополненіемъ изъ мѣстныхъ источниковъ.

Затѣмъ, черезъ Медвѣдовскую добровольцы вошли въ пространство между Черноморской и Екатеринодарской линіями жел. дорогъ. Опять имъ угрожала встрѣча съ сконцентрированными силами, которыя могли быстро перемѣщаться по желѣзнымъ дорогамъ въ любой пунктъ.

Направленіе арміи было уже яснымъ; добро-

вольцы шли на востокъ; стоило только подумать немного, и ловушку могли захлопнуть.

Но, очевидно, большевики растерялись.

Сначала счастье имъ, какъ бы улыбнулось.

Имъ, конечно, извѣстно было настроенiе армiи послѣ смерти ген. Корнилова. Поспѣшный отходъ отъ Екатеринодара объяснялъ все. Армiю считали деморализованной. Ее заперли со всѣхъ сторонъ въ Гначбау и съ минуту на минуту ожидали конца.

Вдругъ фениксъ возродился; и осадныя силы, и четыре бронированныхъ поѣзда оказались несостоятельными.

Большевики были поражены.

Вмѣстѣ съ тѣмъ потери ихъ подъ Екатеринодаромъ были очень велики; однихъ раненыхъ красные газеты насчитывали до 15.000: а сколько было еще убитыхъ.

Очевидно борьба стоила имъ не дешево, и войска не шли.

Только этимъ и можно объяснить, что дальнѣйшее движенiе армiи не встрѣчало никакихъ почти препятствiй.

Въ Дядьковской станицѣ добровольцы получили приказъ идти на ст. Березанскую, но на полъ-дорогѣ армiя свернула на Журавскiе ху-

тора и перешла желѣзную дорогу у хутора Малеваннаго.

Приказъ идти на Березанскую былъ отданъ, чтобы сбить съ толку большевиковъ, что и удалось.

Снова армія попала въ грозный треугольникъ Екатеринодаръ, Тихорѣцкая и Кавказская.

Опять приняли мѣры, чтобы спутать большевиковъ. Распустили слухъ, что идутъ на ст. Кавказскую, и шли въ этомъ направленіи, но въ хуторѣ Владимірскомъ повернули на сѣверо-востокъ и перешли желѣзную дорогу немного южнѣе ст. Архангельской, на Хоперскіе хутора.

Небольшія встрѣчныя силы противника сметались съ пути арміи безъ всякаго труда.

Добровольцы шли въ Ставропольскую губернію, чтобы тамъ, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, отдохнуть и собраться съ силами въ ожиданіи грядущихъ событій.

Но, опять, это была пустая надежда.

Вмѣсто отдыха армію ожидали новыя задачи, предвидѣнныя, однако, заранѣе.

По дорогѣ въ ст. Ильинскую добровольцы услыхали впервые добрую, долго жданную вѣсть о возстаніи Дона противъ большевиковъ.

Но, такъ какъ до арміи неоднократно доходили добрые слухи, которые затѣмъ не оправдывались, рѣшено было эти вѣсти провѣрить.

Полк. Барцевичу приказано было выбрать 20 офицеровъ на самыхъ лучшихъ коняхъ и съ этимъ конвоемъ прорваться черезъ большевиковъ, слетать въ Донскую область и привезти вѣрныя свѣдѣнія.

Барцевичъ ночью вышелъ изъ ст. Ильинской и исчезъ въ темнотѣ.

Въ ст. Ильинской арміи пришлось выдержать наступленіе значительныхъ силъ большевиковъ. Поколотивъ ихъ въ двухъ бояхъ, добровольцы направились на стан. Успенскую, послѣднюю передъ границей ставропольской губ.

Шли опять черноземными степями. Погода стояла ясная.

Солнце грѣло сильнѣй и сильнѣй.

Показались озими. Пшеница всходила густо и ровно, но, вмѣстѣ съ хлѣбомъ подымались въ изобиліи и сорныя травы; земля обрабатывалась плохо, а потому пырей, осотъ и пр. дрянь засоряли землю невѣроятно.

Чѣмъ богаче природа, тѣмъ лѣнивѣе жители страны. Климатъ здѣсь благодатный — тепло

и влага выпадаетъ равномѣрно. Почва еще богаче, чѣмъ въ Донской области.

Казалось бы рай земной.

И дѣйствительно, народъ здѣсь необыкновенно богатъ. Но война изъ-за земли идетъ такая же, какъ и въ мѣстахъ густонаселенныхъ, съ тощей почвой.

Но тамъ работаютъ, трудятся день и ночь; подъ озими пашутъ по три раза; землю унаваживаютъ; и то кормятся съ грѣхомъ пополамъ.

Здѣсь же навозъ идетъ частью для топлива, а главнымъ образомъ для засыпки всякихъ ямъ; а то и прямо вывезутъ за станицу и сожгутъ.

Подъ яровое еще нѣкоторые хозяева пашутъ съ осени, а большинство только весной.

Случается же и такъ; пришла весна, хозяинъ зазѣвался; наступило время посѣва, а земля недопахана. Вышелъ земледѣлецъ въ поле, да прямо по прошлогодней стернѣ и разбросалъ сѣмена; заборонилъ кое-какъ и ждетъ. Выпадетъ во время дождь и сниметъ этотъ землеробъ по 150 пуд. съ непаханной десятины. Не выпадетъ, наплевать; хватитъ хлѣба и съ обработанной земли.

Несмотря на такое небрежное отношеніе къ

землѣ, всѣ богаты, потому что и климатъ, и черноземъ работаютъ за нихъ.

Въ урожайные годы, у хорошихъ хозяевъ, сборъ пшеницы доходитъ до 300 пуд. съ десятины.

Бѣдствуютъ здѣсь только полные лѣнтяи и бездѣльники. У добраго хозяина, если и случится бѣда, падежь скотины, пожаръ и т. п., онъ всегда быстро поправится, работая на другихъ; заработки въ страдную пору, доходятъ до колоссальныхъ суммъ, и рабочихъ рукъ не хватаетъ; въ короткое время дѣльный работникъ скопитъ достаточно, чтобы переждать до новой жатвы, которая вознаградитъ его съ лихвой за всѣ невзгоды.

А все-таки изъ-за земли ссорятся, хотя половина ея не пашется, въ виду недостатка рабочихъ рукъ.

Дайте эту же землю въ руки настоящихъ земледѣльцевъ, и одна Кубань завалитъ своимъ хлѣбомъ всю Европу. Это дѣйствительно рай для фермера, — неистощимая почва и благодатный климатъ.

Вы ѣдете по пыльной дорогѣ; кругомъ ровная степь; ни дерева, ни кустика; на сѣвернаго жителя это однообразіе нагоняетъ тоску. Мы

привыкли и къ лѣсу, и къ веселымъ зеленымъ холмамъ, и къ быстрой рѣчкѣ, подъѣзжая къ которой чувствуешь пріятную прохладу; здѣсь же степь и зной.

Но вотъ вы подошли къ рѣчной долинѣ, и вамъ сразу бросается въ глаза бѣлое, яркое пятно. Это хуторъ, утопающій въ цвѣту плодовыхъ деревьевъ. Зелени не видать; все покрыто сплошнымъ бѣлымъ покровомъ, съ розовыми проблесками на абрикосахъ и персикахъ.

Какое изобиліе!

Не подсчитывайте, однако, заранѣе урожая. Все это опадетъ безплодно, и развѣ сотая часть цвѣтовъ превратится въ яблоки, груши и вишни, но весьма плохого качества.

Земля подъ деревьями не вскопана; развѣ кое-гдѣ на одинъ аршинъ вокругъ ствола, т. е. тамъ, гдѣ именно дерево не питается. Вѣтви не обрѣзаны, гусеницы съ листьевъ не собраны, почва не удобрена, и вообще никакого ухода за садомъ нѣтъ. Понятно, что фруктовъ мало, а по качеству плоды ниже всякой критики.

Роскошная природа и лѣнь доходящая до крайнихъ предѣловъ.

Урядникъ Остапъ Степанчукъ „старикуетъ“. Это значитъ, что Степанчукъ, которому на Пас-

хѣ минуло 45 лѣтъ, объявилъ себя „старикомъ“; онъ уже „дѣдъ“. Въ полномъ расцвѣтѣ силъ и здоровья, разума и опыта, онъ выходитъ изъ строя рабочихъ. Онъ больше не пашетъ, не боронитъ, а ходитъ только около дома, покормитъ коней, съѣздитъ на базаръ, на мельницу, да и то съ сыномъ, чтобы тотъ мѣшки таскалъ.

Главное же его занятіе это пить горилку съ такими же „стариками“ и ухаживать за снохами.

Въ самую развѣ страду, въ сѣнокосъ и въ жнитво, осѣдлаетъ онъ своего гнѣдого и поѣдетъ на поле. Не думайте, что онъ тамъ много наработаетъ. Пройдетъ ряда два съ косой, выругаетъ за бездѣлье своихъ домашнихъ, да и засядетъ съ кумомъ въ тѣнь копны. Изъ пазухи вылѣзаетъ завѣтная бутылочка и пошли пріятныя бесѣды о томъ, какъ въ Питерѣ купчихи конвойцевъ обожаютъ, держатъ себя чисто, денегъ не жалѣютъ и винцомъ запиваютъ.

— То-то было житье; а тутъ страдай, да въ этакую жару.

XXX.

ВОЗСТАНІЕ НА ДОНУ. ПОДЪ БѢЛОГЛИННЫМЪ. ОПЯТЬ ВЪ ЛЕЖАНКѢ. ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ.

Въ ст. Успенской армія простояла нѣсколько дней. Отдохнули немного, отмыли въ банѣ дорожную пыль, надѣли вымытое бѣлье и освободились хоть не на долго отъ внутренняго врага — вшей, которые одолѣвали добровольцевъ. Никакія средства, въ родѣ нафталина, сѣрнаго цвѣта и пр. не помогали; не было единственнаго надежнаго лѣкарства — чистоты. Все бѣлье и все верхнее платье были переполнены насѣкомыми; а въ страшной тѣснотѣ, на стоянкахъ, если и извелъ своихъ, такъ сосѣди наградятъ.

Черезъ день прорвался въ Успенскую и молодецъ Барцевичъ. Онъ, въ своей отчаянной поѣздкѣ, не потерялъ никого изъ спутниковъ, и привелъ съ собой еще цѣлую сотню донскихъ казаковъ.

Донцы были живыми свидѣтелями происходящихъ въ области событій и объяснили все въ штабѣ.

На этотъ разъ вѣсти, дошедшія до добровольцевъ, оказались вѣрными. Южныя станицы области объединились между собой, перестрѣляли представителей совѣтской власти и ихъ главныхъ приверженцевъ и поднялись противъ большевиковъ. Но, чувствуя недостатокъ своихъ силъ, они прислали депутацію и просили добровольцевъ забыть старые казачьи грѣхи и придти снова на Донъ на помощь къ возставшимъ.

Ген. Деникинъ созвалъ совѣтъ для обсужденія этой желанной просьбы. На совѣтѣ, конечно, рѣшили немедленно идти на Донъ.

Послѣдній ударъ армія нанесла ставропольскимъ большевикамъ подъ Новолокинскими хуторами, а затѣмъ 16 апрѣля вышла изъ станицы Успенской, взявъ направленіе на сѣверъ, какъ бы на сел. Бѣлоглинное. Ночью добровольцы свернули съ этой дороги на сѣверо-западъ и подошли къ желѣзнодорожной линіи, верстъ на 8 югозападнѣе с. Бѣлоглиннаго.

Разъѣзды донесли, что по линіи идетъ какой-то поѣздъ. Армія остановилась въ котловинѣ около линіи, и замерла.

Медленно тащился товарный поѣздъ изъ Ти-

хорѣцкой на Торговую. Съ трудомъ бралъ онъ подъемъ.

— Увидитъ или не увидитъ?

Казалось, паровозъ, какъ бы нарочно, замедлялъ ходъ и всматривался своими круглыми глазами въ темноту.

Должно быть ничего не увидѣлъ и, спокойно пыхтя, взобрался на гору.

Сейчасъ же послѣ его прохода обозъ бросился черезъ желѣзную дорогу.

Уже разсвѣтало.

Черезъ часъ со стороны Бѣлоглиннаго показался броневой поѣздъ и сразу открылъ артиллерійскій огонь по переходу. Но два взрыва, справа и слѣва отъ перехода, дали ему знать, что онъ опоздалъ.

Еще и еще поѣзда и густыя цѣпи пѣхоты двинулись на обозъ.

Завязался бой, но обозъ рысью мчался по дорогѣ,—и голова его уже втягивалась въ с. Горькобалковское.

Нѣсколько снарядовъ разорвалось въ обозѣ и, между прочими, былъ убитъ членъ Кубанской рады и тяжело раненъ одинъ изъ представителей Кубанскаго правительства.

Добровольцы выразили кубанскимъ офице-

рамъ свое соболѣвнованіе по поводу такой потери.

— Чортъ бы ихъ взялъ, — неожиданно услышали добровольцы; — и чего вы таскаете съ собой эту дрянь; утопили бы ихъ въ первой рѣкѣ.

Они завели всю смуту на Кубани.

Повѣрьте, раскаетесь и вы, что ихъ спасали.

Добровольцы были въ полномъ недоумѣніи. Кто зналъ тогда, что слова эти были пророческими.

Въ с. Горько-балковскомъ мѣстные большевики, спросонья, задумали оказать сопротивленіе, но были уничтожены квартирьерами. Квартирьерамъ арміи, несмотря на ихъ мирныя задачи, не разъ приходилось исполнять свои обязанности съ оружіемъ въ рукахъ.

За этотъ, хотя и короткій бой, передъ выходомъ арміи изъ селенія, зажжено было большевистское предмѣстье, и долго горѣло, встревоживъ всю округу.

Въ ст. Плосской армія вышла на свою старую дорогу.

19 апрѣля добровольцы вернулись въ знаменитую Лежанку.

Лежа́нка—большое и богатое село. Маленькая

армія удобно расположилась въ немъ и добровольцы опять мечтали о нѣкоторомъ отдыхѣ передъ переходомъ на Донъ.

Но ждать было нельзя. Новости оказались плохія. Большевики заняли изъ возставшихъ станицъ — Ольгинскую, Хомутовскую, Кагальницкую, Мечетинскую и угрожали Егорлыцкой.

Въ послѣдней станицѣ жители уже уложились на подводы и собирались выбираться въ степи Сальскаго округа.

Ген. Деникинъ раздѣлилъ свою армію на три части.

Первый отрядъ направился въ с. Гуляй-Борисово, самый центръ большевизма на югѣ Донской области.

Второй отрядъ двинулся на помощь Егорлыцкой.

Наконецъ, третій отрядъ, изъ офицерскаго полка и двухъ конныхъ сотенъ, остался въ Лежанкѣ, для защиты штаба, обоза и санитарнаго транспорта.

Лишь только первые два отряда отошли отъ Лежанки, какъ немедленно обозначилось наступленіе на село непріятеля съ значительными силами.

Два дня офицерскій полкъ отбивалъ атаки большевиковъ.

Съ утра до вечера обстрѣливали село снарядами. Становилось тѣсно. Большевики стягивали все новыя и новыя силы, пытаясь отрѣзать Лежанку отъ сообщенія съ Егорлыцкой.

Наконецъ, телефонная линія перестала дѣйствовать; очевидно, разъѣзды непріятеля перервали ее.

Съ наблюдательнаго пункта видно было движеніе непріятельскихъ колоннъ по направленію къ Егорлыцкой дорогѣ.

Между тѣмъ въ резервѣ оставались лишь двѣ роты офицерскаго полка, т. е. около 200 штыковъ.

Быстрымъ шагомъ вышли офицеры изъ Лежанки, разсыпались въ цѣпи и залегли недалеко отъ дороги.

Густыя непріятельскія цѣпи подошли уже на полторы тысячи шаговъ къ дорогѣ и открыли бѣглый огонь. Пулеметы трещали, не смолкая. Надъ залегшими добровольцами непрерывно рвалась шрапнель.

Офицеры лежали, какъ мертвые, — ни одного выстрѣла въ отвѣтъ.

Движеніе непріятеля замедлилось; цѣпи его

залегли. Лишь какіе то всадники, какъ потомъ говорили, матросы носились по цѣпямъ и стегали солдатъ плетьми.

Большевики поднялись и быстро двинулись впередъ.

Опять никакого отвѣта.

Непріятель опять залегъ.

Еще и еще разъ то же самое; все то-же молчаніе.

Наконецъ, когда красные подошли къ офицерамъ шаговъ на пятьсотъ, тѣ встали и молча двинулись впередъ.

Гдѣ же врагъ?

Только пятки сверкали въ воздухѣ. Все долой. Винтовки, шапки, шинели, пулеметы, сапоги, — вотъ все, что осталось отъ нѣсколькихъ красныхъ баталіоновъ.

Пустили конницу въ догонку и 500 труповъ показывали дорогу отступленія.

Въ двухъ офицерскихъ ротахъ ни одной потери.

Такъ второй разъ подъ Лежанкой полкъ показалъ, какъ дерутся офицеры.

Телефонную линію съ Егорлыцкой возстановили, но обозъ уже безъ всякаго прикрытія, выслали на Донъ.

Въ Великую субботу вечеромъ 21 апрѣля вышли транспорты изъ Лежанки.

Опять ужасный нордъ-остъ не даетъ покоя. Страшный холодъ пронизываетъ насквозь. Вѣтеръ поднимаетъ тучи морозной пыли и засыпаетъ глаза.

Негдѣ остановиться, чтобы хотя на минуту, укрыться отъ стужи. Курить запрещено; можно нарваться на разъѣзды красныхъ, прямо бѣда.

Но вотъ, навстрѣчу несутся отдаленные звуки колокола. Бьютъ къ пасхальной утренѣ, и обозъ втягивается въ Егорлыцкую въ самую пору.

Успѣли обмыть съ себя грязь, выколотить платье и попали еще къ церковной службѣ.

— Христосъ воскресе — возгласилъ батюшка.

— Во истину воскресе — отвѣтили радостно и казаки и добровольцы.

Объятія были искреннія. Все старое забыто. Угощали казаки на славу.

Явилась и водочка, и винцо. Столы трещали подъ окороками, гусями, заливными поросятами, пасхами, куличами и прочей снѣдью.

Забыли про большевиковъ и разговѣлись по настоящему.

Но, глаза слипались; хозяева разостлали ту-

лупы и попоны на полу, накрыли чистыми простынями и оставили гостей въ покоѣ.

Въ первый разъ послѣ трехъ мѣсяцевъ удалось раздѣться и лечь на чистое бѣлье.

XXXI.

ОСВОБОЖДЕНІЕ ЮЖНОЙ ЧАСТИ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ. НѢМЦЫ. САНИТАРНЫЙ ТРАНСПОРТЪ.

На другой день Пасхи въ Егорлыцкую пришелъ и офицерскій полкъ.

По дорогѣ добровольцы разрушили, и весьма основательно, желѣзно-дорожную линію, соединявшую Егорлыцкую съ с. Торговымъ, что и прекратило періодическія нападенія броневыхъ поѣздовъ съ юга.

Первый и второй отряды арміи, высланные изъ Лежанки, успѣшно исполнили свои задачи.

Гуляй - Борисовъ было взято послѣ ожесточеннаго боя, и мѣстные большевики разсѣялись.

Второй же отрядъ, поддержавъ казаковъ подъ Егорлыцкой, двинулся вмѣстѣ съ ними, на Мечетинскую, затѣмъ были взяты обратно у красныхъ Хомутовская и наконецъ Ольгинская.

Въ то же время и ген. Поповъ со своими казаками вышелъ также изъ зимовниковъ. Сломивъ сопротивленіе большевиковъ въ черкас-

скомъ округѣ, казаки освободили и свою столицу — Новочеркасскъ.

Къ началу мая 1918 г., отъ большевиковъ были очищены: черкасскій округъ, сѣверная часть сальскаго и почти весь ростовскій округъ.

Въ послѣднемъ красные держались лишь по владикавказской жел. дорогѣ, отъ Батайска до Кущевской, и западнѣе этой линіи.

Ростовъ занимали пришедшіе черезъ Украйну нѣмецкія войска.

Нѣмцы дѣлали попытки, черезъ посредниковъ, войти въ сношенія съ добровольцами, но командующій арміей и ген. Алексѣевъ рѣшительно отказались отъ какихъ - либо разговоровъ объ этомъ, хотя союзники совсѣмъ не исполнили своихъ обѣщаній.

Такъ и простояли весну 1918 г. обѣ арміи недалеко другъ отъ друга, не завязывая никакихъ сношеній, пока добровольцы не ушли на Кубань въ іюнѣ мѣсяцѣ.

———

25 апрѣля 1918 г. штабъ добровольческой арміи и транспорты перешли въ ст. Мечетинскую.

Тридцать пять боевъ выдержала армія за три мѣсяца похода.

Настало, наконецъ, время для отдыха.

Можно было позаботиться о раненыхъ.

Санитарная часть была одной изъ самыхъ слабыхъ сторонъ въ ледяномъ походѣ.

Медикаментовъ было очень мало; ничтожное ихъ количество, взятое изъ Ростова и Новочеркасска, было использовано въ первые же дни похода. Въ города армія не заходила, а сельскія аптеки сами нуждались въ лекарствахъ. Иногда захватывали кое-что у большевиковъ.

Перевязочнаго матеріала тоже не хватало. Перевязывали рванымъ бѣльемъ.

Отъ недостатка медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ раны гноились, и больные погибали отъ осложненій.

Тяжелымъ былъ вопросъ объ одеждѣ и обуви для раненыхъ.

Строевыя части также были въ лохмотьяхъ, безъ бѣлья, безъ сапогъ. Однако, удачные бои давали не только снаряды и патроны, но также обмундированіе и обувь. И то, и другое снимали съ мертвыхъ, да такъ, окровавленное, и надѣвали на себя.

Для раненыхъ некому было доставать одежды; правда въ селеніяхъ реквизировали нѣко-

торыя, самыя необходимыя, вещи, но ихъ было мало, и раненые были въ ужасномъ положеніи.

Армія, все время, была въ движеніи, и раненыхъ перевозили изо дня въ день. Не легко было имъ и въ началѣ похода, когда добровольцы совершали переходы по 20 - 30 верстъ въ день. Но, какъ тяжко отзывались на нихъ последніе дни, когда армія проходила по 50 - 60 верстъ и когда повозки шли на рысяхъ?

Какъ Богъ сохранилъ ихъ? Какъ половина ихъ не погибла?

Мучились раненые, мучениками же были и врачи, и сестры милосердія.

Личный персоналъ былъ ничтожнымъ по численности и работалъ, выбиваясь изъ силъ. Число раненыхъ росло съ каждымъ днемъ и, наконецъ, половина добровольцевъ оказалась въ лазаретахъ. Ихъ надо было принять, осмотрѣть, перевязать, иногда болѣе 100 чел въ день, и, въ то же время заботиться и о прежнихъ паціентахъ.

На медицинскомъ персоналѣ лежала не только медицинская часть, но и хозяйственная. По пріѣздѣ на ночлегъ надо было снять раненыхъ съ повозокъ, приготовить солому для постели на полу, уложить и сейчасъ же бѣжать въ от-

дѣленіе, чтобы получить съѣстные припасы, пока другіе не расхватали.

Вернувшись, сестры готовили пищу, пока врачи перевязывали.

Кончалась вся работа къ полночи, а утромъ, въ 5 - 6 часовъ, надо опять поить паціентовъ чаемъ, спѣшно грузить на подводы и выступать.

Бѣдныя сестры изорвали все свое бѣлье на перевязки и носили только, на спѣхъ вымытыя солдатскія рубахи. Ихъ положеніе было вообще очень тяжелымъ. Весь день и всю ночь на глазахъ мужчинъ. Мужчины какъ то легче привыкаютъ къ грязи, но бѣдныя сестры страдали ужасно.

Сколько ихъ погибло въ бояхъ? сколько было изувѣченныхъ на всю жизнь? Но, онѣ шли и шли впередъ, подъ самые пулеметы, и безтрепетными руками облегчали страданія раненыхъ.

А что ожидало бы ихъ въ случаѣ пораженія арміи?

Даже подумать страшно.

Кто изъ добровольцевъ не помнитъ милую сестру Васю?

Одѣтая съ самаго начала похода, солдатомъ,

грубоватая, но безконечно добродушная, она вносила съ собой всегда шумъ и оживленіе.

Со смѣхомъ исполняла Вася самыя тяжелыя и грязныя работы, веселой шуткой разсѣивала мрачное настроеніе раненыхъ.

И это безобидное существо испытало впослѣдствіи ужасныя страданія.

Прежде всего пришло извѣстіе, что ея мужъ и маленькій сынокъ замучены большевиками.

Ужасное горе сковало смѣявшіеся когда то уста Васи, и добрые глаза ея потухли, вспыхивая лишь временами мрачнымъ, почти безумнымъ огнемъ.

Черезъ нѣсколько дней отрядъ, при которомъ состояла она, былъ разбитъ, окруженъ, и Вася попала въ плѣнъ къ большевикамъ.

За отказъ исполнить позорныя требованія, пять дней били они ее желѣзными шомполами и окровавленную, истерзанную бросили въ сырой и холодный подвалъ.

Все выдержала желѣзная натура Васи. Она могла бы избавиться отъ мученій; у нея былъ съ собой, какъ и другихъ сестеръ, стрихнинъ.

Но Вася не хотѣла умирать. Она чего - то какъ бы, ждала и дождалась.

Заболѣлъ комиссаръ отряда, и ей приказали

за нимъ ходить. Вася аккуратно исполняла свои обязанности.

Однажды, вечеромъ, навѣстить больного пріѣхали два другихъ сосѣднихъ комиссара и началось пьянство. Вася развела стрихнинъ, подмѣшала его къ вину и исчезла.

На утро въ квартирѣ нашли три ужасныхъ трупа.

XXXIII.
НОВОЧЕРКАССКЪ.

Послѣ переговоровъ съ казаками южной арміи рѣшено было отправить санитарный обозъ въ Новочеркасскъ. Но и послѣдній путь добровольцевъ не обошелся безъ боя, правда только дипломатическаго, съ центральными казачьими властями.

Посланный впередъ членъ Гос. Думы Л. В. Половцовъ обратился за разрѣшеніемъ вопроса о размѣщеніи раненыхъ къ начальнику штаба походнаго атамана, пол. Сидорину.

— Ни одного раненаго мы въ Новочеркасскъ не пустимъ. Везите ихъ въ Ростовъ, — заявилъ пол. Сидоринъ.

— Какъ въ Ростовъ? Да вѣдь въ Ростовѣ нѣмцы.

— Ну, такъ что-же?

— Значитъ вы хотите, чтобы мы дали полторы тысячи заложниковъ нѣмцамъ? Неужели вы не понимаете, — добавилъ Половцовъ, — что произойдетъ? Зачѣмъ же вы насъ звали?

— Что дѣлать, — отвѣтилъ Сидоринъ.

Ген. Попова въ городѣ не было.

Въ атаманскомъ дворцѣ Половцовъ нашелъ Янова, предсѣдателя правительства донской области.

— Хотя я и не имѣю прямыхъ приказаній ген. Деникина по этому вопросу, заявилъ ему Половцовъ, — но могу вамъ сказать навѣрное, что, если вы не примете нашихъ раненыхъ, добровольческая армія сейчасъ же уйдетъ съ Дона

Яновъ просилъ подождать до слѣдующаго дня, и на-завтра Половцовъ уже телеграфировалъ объ отданныхъ правительствомъ Дона распоряженіяхъ по подготовкѣ помѣщеній для раненыхъ.

Лазареты были оборудованы плохо, но всетаки они были раемъ для бѣдныхъ вѣчныхъ странниковъ.

Какое счастье — сбросить съ себя эти грязныя, рваныя лохмотья, полныя ужасныхъ паразитовъ, — вымыться въ ваннѣ и превратиться изъ кочующаго дикаря въ цивилизованнаго человѣка!

ЗНАЧЕНІЕ ЛЕДЯНОГО ПОХОДА.

I.

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ

Главной цѣлью созданія добровольческой арміи было продолженіе войны съ нѣмцами.

Къ сожалѣнію, эта идея не встрѣтила сочувствія въ большинствѣ русской интеллигенціи, а потому и не нашла активной ея поддержки.

Русское общество не сознавало всей колоссальной важности событій. Оно не отдавало себѣ яснаго отчета въ томъ, что измѣна Россіи союзникамъ является не только позорнымъ актомъ, но и величайшимъ историческимъ преступленіемъ противъ вѣковыхъ интересовъ родины. Интеллигенція не понимала, что это преступленіе не можетъ остаться безнаказаннымъ.

Небывалый патріотическій подъемъ во всѣхъ классахъ русскаго населенія въ началѣ войны, вполнѣ сознательное отношеніе даже простолюдиновъ къ происходившимъ событіямъ, полное пониманіе смысла и значенія этого мірового столкновенія, все это смѣнилось апатіей и равнодушіемъ.

Между тѣмъ совершенно неожиданный успѣхъ революціи объяснялся, между прочимъ, именно опасеніями интеллигенціи за дальнѣйшее участіе Россіи въ войнѣ. Общество прекрасно сознавало всю рискованность революціи во время войны, но оно шло на это, боясь, что царское правительство заключитъ сепаратный миръ съ Германіей.

Такимъ образомъ слѣдовало бы ожидать, что, разъ интеллигенція приняла на себя тяжелую отвѣтственность за переворотъ ради самой войны, то, тѣмъ самымъ она рѣшилась на все, чтобы продолжать эту войну, во что бы то ни стало.

Но, на самомъ дѣлѣ, этой рѣшимости и не оказалось!

Временное правительство, въ которомъ объединился весь цвѣтъ русской политической мысли, не нашло въ себѣ твердости для борьбы съ преступнымъ разложеніемъ арміи. Правительство не только не примѣняло самыхъ обыкновенныхъ мѣръ, указываемыхъ въ подобныхъ случаяхъ правовымъ разумомъ всѣхъ государствъ, но оно связывало руки даже фронтовому начальству, въ его мѣропріятіяхъ противъ этого ужаснаго зла.

Временное правительство только уговаривало. Когда же государственная власть окончательно выпала изъ рукъ этого олицетвореннаго „непротивленія злу“, русская интеллигенція совершенно растерялась.

Такое бойкое при царскомъ режимѣ, такъ умѣло и настойчиво защищавшее свои, а главнымъ образомъ чужіе, интересы, русское образованное общество впало въ полную прострацію при столкновеніи съ большевиками.

„Обструкція“ — вотъ единственный лозунгъ за которымъ послѣдовали всѣ, — и старые и малые, и либералы и консерваторы.

— Безъ насъ, — думали они, — большевики черезъ недѣлю провалятся.

Положеніе большевиковъ было дѣйствительно тяжелымъ. Но, зная прекрасно русскихъ людей, большевики рѣшили: — подождемъ, сами придутъ; и объявили приказъ: — кто для насъ не работаетъ, тотъ не ѣстъ.

Тѣмъ временемъ на отвѣтственныя мѣста они назначили интеллигентовъ изъ своей партіи, а на второстепенныя должности брали перваго попавшагося и широко использовали одинъ своеобразный элементъ — уголовныхъ преступниковъ. Большевики понимали, что преступники

не могутъ быть орудіемъ даже ихъ строительства или органами нормальнаго административнаго управленія. Но, для выполненія первыхъ практическихъ задачъ большевизма, т. е. для разрушенія всего прежняго соціальнаго строя, для истребленія „враговъ народа“ — буржуевъ, этотъ общественный отбросъ былъ незамѣнимъ.

Преступники были не теоретическими, а практическими борцами противъ правовыхъ и экономическихъ идеаловъ современной жизни. Ихъ преслѣдовалъ буржуазный строй, и они ненавидѣли всѣ орудія государственной власти, — полицію, судъ, тюремное и всякое другое начальство, а также, конечно, и всѣхъ ими обворованныхъ и ограбленныхъ.

Большевики провозгласили лозунгъ: — грабь награбленное.

Гдѣ же найти лучшихъ исполнителей этого приказа, какъ не въ средѣ привычныхъ грабителей?

Преступники были смѣлы, рѣшительны, смѣтливы, а главное беззастѣнчивы и безпощадны при исполненіи возложенныхъ на нихъ пріятныхъ обязанностей.

Ихъ не могла тронуть никакая, самая жало-

стная мольба и они хохотали надъ безсильными слезами своихъ беззащитныхъ жертвъ.

Не долго продолжалась, однако, обструкція интеллигенціи. Голодъ смиряетъ даже бурныхъ, полныхъ жизни и энергіи дикихъ животныхъ. Можно ли было ожидать продолжительной борьбы со стороны мягкотѣлаго, безвольнаго русскаго интеллигента, совершенно неприспособленнаго къ суровымъ условіямъ ручного труда, отъ котораго онъ думалъ получить средства къ жизни.

Общество сдалось и покорно стало подъ ярмо большевизма.

Но, не всѣ же попали въ эту бѣду?

Сотни тысячъ русской интеллигенціи, наиболѣе предусмотрительныхъ людей, бѣжали отчасти еще при временномъ правительствѣ съ сѣвера на югъ. Вся Украина, казачьи области, Донъ, Кубань и Терекъ, Крымъ, Новороссія, Бессарабія были переполнены бѣженцами. Не только гостинницы и меблированныя комнаты, но всѣ частные свободные дома и комнаты брались на расхватъ.

Этихъ бѣглецовъ гнали тогда въ хлѣбородныя мѣста все возраставшая дороговизна на

сѣверѣ и всѣми сознаваемая, неминуемая опасность полнаго голода и холода.

Населеніе южныхъ городовъ возросло вдвое, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Крыму, даже втрое.

Бѣженцами были наиболѣе энергичные, подвижные и, наконецъ, самые состоятельные люди, а потому отъ нихъ и можно было ожидать извѣстной прозорливости или просто хотя бы сознательнаго отношенія къ логикѣ событій.

Когда грянулъ большевистскій громъ, всѣ эти бѣженцы были нѣкоторое время внѣ досягаемости болшевистской власти. Но близкая опасность уже угрожала и этимъ областямъ Россіи.

Раздался призывъ генерала Алексѣева.

Если интеллигенція, смѣстивъ царя съ престола, уже охладѣла къ самой идеѣ — продолженія войны съ нѣмцами, то можно было ожидать, что у нея остался хотя инстинктъ самосохраненія.

Если основатели добровольческой арміи ошиблись въ своихъ надеждахъ, принявъ теорію за фактъ, то всетаки они могли ожидать, что все, способное держать винтовку, устремится подъ ихъ знамена хотя бы изъ чувства самозащиты.

Вѣдь ясно же было, что добровольческая ар-

мія не могла уйти на фронтъ, не обезпечивъ себѣ тыла. Не могли же люди думать, что добровольцы пройдутъ Украину и не оставятъ тамъ достаточно силъ для сохраненія въ ней полнаго порядка.

Никто не сомнѣвался въ томъ, что война будетъ на два фронта, внѣшній и внутренній для самозащиты арміи.

Увеличивая собой силы арміи, бѣженцы тѣмъ самымъ способствовали бы ей и въ охранѣ мѣстности, гдѣ жили ихъ семьи, гдѣ хранились остатки ихъ послѣдняго добра.

Ни мѣстная интеллигенція, ни пріѣзжіе не хотѣли ничего слушать.

— Большевики падутъ сами, вотъ единственный отвѣтъ, который слышали основатели добровольческой арміи.

— Но, вѣдь и карточный домикъ стоитъ, пока на него не дунутъ, — возражали добровольцы. — Помогите намъ дунуть, встряхнуть ихъ.

Этого простого соображенія не желали понимать и затыкали уши.

Обманули надежды и на офицеровъ фронта. Около 30.000 офицеровъ скопилось въ одномъ Кіевѣ, а черезъ мѣстную организацію добровольческой арміи прошли лишь сотни.

Если бы хотя четвертая часть ихъ пошла вступить въ армію, то они силой пробились бы на Донъ.

Герои дроздовцы, въ количествѣ 2.000 офицеровъ и вольноопредѣляющихся, сдѣлали это при болѣе трудныхъ условіяхъ. Несмотря на противодѣйствіе своего начальства, провожаемые насмѣшками своихъ товарищей, они двинулись и прошли походнымъ порядкомъ на Донъ съ юго-западнаго фронта, и прошли съ боями, такъ какъ большевики тогда уже сорганизовались и ставили имъ тяжелыя препятствія.

Такими же инертными оказались и офицеры бывшіе на мѣстахъ.

На Кавказскихъ минеральныхъ водахъ скопилось нѣсколько тысячъ офицеровъ, частью для поправленія здоровья послѣ ранъ и болѣзней а частью собравшихся сюда для отдыха и развлеченій. Среди нихъ было большое количество гвардейцевъ.

Для вербовки ихъ, на воды былъ посланъ генералъ Эрдели, проводившій свою службу въ гвардейскихъ частяхъ.

Всѣ его труды пропали даромъ. На его убѣжденныя рѣчи отвѣчали насмѣшками, и въ армію оттуда пришли лишь единицы.

Полное равнодушіе къ арміи проявили и финансовые круги. Колоссальныя богатства накопились на югѣ Россіи. Кромѣ всѣхъ извѣстныхъ архи - милліонеровъ Харькова, Екатеринослава, Ростова, Таганрога, въ глубинахъ таились тысячи невзрачныхъ на видъ, скрытыхъ богатѣевъ. Десятками милліоновъ взымались съ нихъ потомъ контрибуціи большевиками, а въ армію поступали гроши отъ бѣдняковъ.

Если бы въ то время и люди, и деньги пришли бы на помощь къ Алексѣеву и Корнилову то, конечно, большевики были бы стерты съ лица земли. Вѣдь тогда они сами не понимали, какимъ чудомъ свалилась имъ въ руки государственная власть, и, не вкусивъ еще плодовъ господства, они жили дѣйствительно только въ карточномъ домикѣ.

Ледяной походъ это доказалъ.

Собралась кучка рѣшительныхъ и храбрыхъ людей. Безъ снарядовъ и патроновъ эти четыре тысячи прошли всю южную часть донской области, пробѣжали сѣверомъ ставропольской губерніи и исколесили Кубань. Все, что становилось поперекъ ихъ пути, они отметали и шли туда, куда хотѣли.

Исторія знаетъ много войнъ, въ которыхъ незначительные отряды партизановъ сопротивлялись и причиняли колоссальныя затрудненія большимъ арміямъ. Но эти партизаны работали среди дружественнаго имъ населенія, которое помогало имъ, оберегало ихъ и укрывало въ своей средѣ въ случаяхъ неудачъ.

Добровольческая армія совершала свой походъ, именно, въ обратныхъ условіяхъ. Она проходила территоріи, въ которыхъ большинство населенія было ей прямо враждебно, а меньшинство сохраняло недружелюбный нейтралитетъ. Армія боролась съ войсками, состоявшими изъ мѣстныхъ жителей или съ присланными изъ сосѣднихъ губерній имъ же на помощь.

Населеніе Донской, Кубанской областей и Ставропольской губерніи превышало 7 мил. Большая половина жителей казачьихъ областей, а именно всѣ иногородніе, и всѣ крестьяне Ставропольской губерніи были сплошь большевиками. Если считать изъ нихъ пять процентовъ боеспособнымъ матеріаломъ, то получится цифра около 200.000 чел. Къ нимъ надо прибавить еще войска, присланныя въ большомъ количествѣ извнѣ, а также распропагандированную

казачью молодежь, что увеличитъ указанную цифру по крайней мѣрѣ въ полтора раза.

Такимъ образомъ большевики обладали въ этихъ мѣстностяхъ колоссальными силами, сравнительно съ горсточкой добровольцевъ.

И дѣйствительно на своемъ походѣ армія сталкивалась все время съ новыми и новыми частями, выраставшими на ея дорогѣ, повсемѣстно, несмотря на самыя неожиданныя перемѣны пути слѣдованія.

Всѣ эти большевистскія воинскія части были вооружены и снабжены и артиллеріей, и большими запасами патроновъ и снарядовъ, которые они расходовали безъ всякой бережливости.

Въ полномъ распоряженіи большевиковъ были телеграфы, и телефоны, и желѣзныя дороги, и броневые поѣзда, и громадные склады обмундированія, винтовокъ, патроновъ, снарядовъ, и вся казачья артиллерія, однимъ словомъ всѣ средства нападенія и защиты.

А противъ нихъ боролись нищіе, раздѣтые, разутые добровольцы, блуждавшіе по мѣстности, пересѣченной во всѣхъ направленіяхъ желѣзными дорогами.

Чѣмъ же можно объяснить конечный результатъ Лёдяного похода?

Добровольцы дѣйствительно проявили невѣроятныя мужества и выносливость; а вожди ихъ оказались на полной высотѣ военнаго искусства. Однако, противъ одного стояло сто; такое несоразмѣрное численное превосходство и громадное преобладаніе въ средствахъ борьбы, конечно, должны были дать немедленную побѣду большевикамъ.

Отчего же произошло обратное?

Отвѣтъ можетъ быть одинъ.

У большевиковъ тогда не было опытныхъ руководителей, и организація ихъ еще только нарождалась.

Вотъ почему и можно съ полной увѣренностью сказать, что, если бы въ началѣ въ армію пришла хотя бы половина того, что впослѣдствіи пристало къ добровольцамъ, и, если бы въ ея кассу поступила бы хотя четвертая часть того, что было взыскано съ мѣстной буржуазіи въ видѣ большевистскихъ контрибуцій, — при такихъ условіяхъ всероссійская большевистская организація была бы уничтожена въ самомъ зародышѣ.

Порукой въ этомъ былъ Ледяной походъ.

Но, чтобы хотя немного образумить русскую интеллигенцію, понадобился примѣръ нагляднаго обученія. Когда и югомъ Россіи завладѣли большевики и показали всѣ прелести коммунистическаго рая, только послѣ этого урока, ощипанные уже и голодные интеллигенты прибѣжали въ армію и предложили свои услуги.

Эти люди были уже не перваго призыва, но они представляли собой единственный остатокъ русской интеллигенціи, не находившейся еще въ подчиненіи большевикамъ. Армія, пріютивъ ихъ у себя, дала имъ возможность впослѣдствіи спастись отъ полной гибели.

2.
КАЗАКИ.

Ледяной походъ повліялъ и на казачьи настроенія.

Армія проходила извѣстную мѣстность, и сейчасъ же вслѣдъ за ней все заполняли преслѣдующія добровольцевъ большевистскія войска.

Теперь они уже не стѣснялись и показали казакамъ свои настоящіе зубы. Грабили, насиловали, убивали, жгли, однимъ словомъ, водворяли адъ на землѣ.

Одно только сравненіе ихъ безсмысленной жестокости со спокойнымъ достоинствомъ добровольцевъ должно было поразить воображеніе казаковъ.

Добровольцы были страшны, но только во время боя. Въ станицѣ же они превращались опять въ культурныхъ людей. Если же, въ видѣ исключенія, и случался какой-нибудь грѣхъ, то немедленная же расправа съ преступникомъ удовлетворяла чувство обиды.

Большевики же, какъ разъ обратно, — трус-

ливые въ бояхъ, они были безпощадны къ беззащитнымъ.

Первый кубанскій походъ далъ арміи, не считая отряда ген. Покровскаго, лишь сотни добровольцевъ.

Но, когда армія вышла съ Кубани, остановилась на югѣ донской области и обосновалась временно въ ст. Мечетинской, къ ней потекли уже тысячи казаковъ изъ одной сѣверной части той же Кубани.

Большевики перехватывали ихъ и на мѣстѣ разстрѣливали. Волонтеры собирались въ отряды и силой пробивались черезъ красныя полчища.

Когда же армія, черезъ два мѣсяца, пошла во второй Кубанскій походъ, то, проходя по тѣмъ же мѣстамъ, она не таяла, какъ раньше, отъ боевыхъ потерь, а росла, какъ снѣжный комъ, катящійся съ горы, и своей лавиной смела большевиковъ и съ Кубани и съ Терека.

——

Добровольческая армія спасла положеніе и на Дону.

Одиннадцать южныхъ станицъ первыми подняли знамя возстанія; но силы, ими выставлен-

ныя противъ большевиковъ, оказались недостаточными.

Въ это время на Донъ пришла большая большевистская армія, отступавшая съ Украйны передъ нѣмцами. Остановившись въ Ростовѣ, нѣмцы дальше не преслѣдовали большевиковъ и ограничились непрерывной бомбардировкой Батайска.

Части этой большевистской арміи и пришли на помощь къ мѣстнымъ своимъ силамъ. Сопротивленіе казаковъ было сломлено, и они быстро очистили цѣлый рядъ станицъ.

Но, когда красные неожиданно встрѣтились съ добровольцами, то, въ свою очередь, они также быстро и возвратили свои завоеванія.

Послѣ кратковременнаго отдыха добровольцы бросились на большевистскія части, расположенныя вдоль и западнѣе владикавказской жел. дороги, и быстро очистили отъ красныхъ всю юго-западную часть донской области. Тѣмъ самымъ они развязали руки ген. Попову, боровшемуся съ большевиками на востокѣ области, а затѣмъ въ центрѣ и въ сѣверной ея части.

3.

НѢМЦЫ.

Дѣятельность добровольческой арміи не ограничивалась лишь юговостокомъ Россіи. Эмиссары арміи проникли и вглубь страны. Тамъ создавали они ячейки, изъ которыхъ потомъ выросли цѣлыя организаціи, причинившія не мало хлопотъ большевикамъ.

Эти организаціи оказали большую помощь арміи въ ея борьбѣ съ нѣмцами.

Казалось, что, съ перваго же момента своего возникновенія, армія должна была отказаться отъ своей прямой задачи — продолженія войны съ нѣмцами.

Да, злой рокъ нашей родины такъ судилъ. Боевое свое крещеніе армія получила въ борьбѣ съ защитниками нѣмцевъ, русскими крестьянами а съ самими нѣмцами никогда не встрѣчалась на полѣ битвы.

Но, тѣмъ не менѣе, добровольцы все-таки боролись съ ними посредственно, черезъ головы большевиковъ.

Армія не дала нѣмцамъ возможности извлечь

изъ мира съ большевиками всѣ тѣ выгоды, на которыя Германія могла расчитывать, и тѣмъ, конечно, ослабила ея силы на западномъ фронтѣ.

Германіи необходимъ былъ миръ съ Россіей не только потому, что съ этимъ миромъ освобождался ея восточный фронтъ. Нѣмцы нуждались до крайности и въ тѣхъ военныхъ припасахъ, которые заготовлены были въ Россіи для войны, и въ сырьѣ, необходимомъ для нѣмецкихъ фабрикъ, и въ продуктахъ питанія для своихъ истощенныхъ жителей, и, наконецъ, въ людяхъ, въ тѣхъ плѣнныхъ, которые были взяты Россіей во время войны. Даже больше того, Германіи была обѣщана прямая активная помощь со стороны большевиковъ.

Нѣмцы получили много, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, о которыхъ они мечтали.

Гражданская война въ Россіи потребовала, прежде всего, напряженія всѣхъ перевозочныхъ средствъ и сосредоточенія ихъ въ направленіи къ раіонамъ военныхъ дѣйствій. Это обстоятельство значительно ослабило и безъ того надломленныя средства передвиженія.

Перевозка войскъ и военныхъ грузовъ на югъ парализовала всю дѣятельность по снабже-

нію продовольствіемъ сѣверной и центральной частей Россіи. Опора большевиковъ, рабочіе и городскіе жители, голодали. Могли ли большевики отрывать отъ продовольственнаго транспорта послѣдніе вагоны, чтобы предоставить ихъ нѣмцамъ для экспорта?

Конечно, нѣтъ.

Затѣмъ, военныя дѣйствія происходили, именно, въ мѣстностяхъ, гдѣ остались неиспользованными самые богатые запасы и продовольственныхъ продуктовъ, и такого сырья, какъ кожи, шерсть, сало, нефть и пр. Но тамъ не было досуга для заботы о нѣмецкихъ интересахъ, когда собственное дѣло трещало по всѣмъ швамъ.

На германскомъ фронтѣ и въ ближайшихъ къ нему мѣстностяхъ нѣмцы захватили громадную военную добычу. Но взрывы складовъ въ Кіевѣ, Калугѣ, Одессѣ и др. мѣстахъ лишили ихъ неисчерпаемыхъ военныхъ богатствъ. Наконецъ, гражданская война, сама по себѣ, требовала большого количества военныхъ припасовъ, и большевики не могли отдавать того, въ чемъ сами нуждались.

Но, въ особенности, нечего было и думать объ активной помощи нѣмцамъ на западномъ

фронтѣ, когда у большевиковъ не хватало войскъ для междуусобной борьбы.

Большевикамъ нужны были самимъ громадныя массы солдатъ, въ виду ихъ плохого качества, чтобы бороться на своемъ фронтѣ. Но кромѣ того постоянныя вспышки недовольства внутри страны, нападенія на поѣзда, порча путей и т. п. работа тайныхъ организацій требовала наличія большихъ вооруженныхъ силъ и по коммуникаціоннымъ линіямъ.

Въ этомъ отношеніи, наоборотъ, нѣмцы помогли большевикамъ. Хотя ихъ прямые интересы и требовали возвращенія въ Германію и Австрію военноплѣнныхъ, но они сами задержали значительную и наиболѣе активную часть ихъ и отдали большевикамъ.

Этими военноплѣнными и были пополнены, такъ называемыя, „латышскія части". Онѣ дѣйствительно оказывали огромныя услуги большевикамъ, служа имъ то въ качествѣ головныхъ ударныхъ группъ, то въ видѣ неумолимыхъ карательныхъ отрядовъ, безъ пощады уничтожавшихъ все, что не было послушно краснымъ.

Нѣмцы хотѣли возможно скорѣе покончить съ добровольческой арміей, а потому и лиши-

ли свои западныя арміи необходимаго для нихъ пополненія людскимъ составомъ.

Всѣ эти послѣдствія гражданской войны и помѣшали нѣмецкому плану использовать Россію, какъ базу для снабженія Германіи.

Конечно, союзники эти обстоятельства междоусобной борьбы предвидѣли и учитывали. Вотъ почему ихъ представители и поощряли генер. Алексѣева въ его начинаніяхъ и надавали ему самыхъ богатыхъ обѣщаній, исполненія которыхъ добровольцы такъ и не видали до самаго конца похода.

4.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

1 мая 1918 г. съ пріѣздомъ раненыхъ въ Новочеркасскъ, кончился Ледяной походъ.

Слава о подвигахъ добровольческой арміи разнеслась по Дону и по всей Кубани, долетѣла и до Терека.

Одна за другой поднимались казачьи станицы противъ азіатскаго гнета большевиковъ.

Со всѣхъ сторонъ пошли въ армію и добровольцы.

Немного ранѣе прорвались въ Новочеркасскъ герои дроздовцы.

На своемъ долгомъ пути, съ югозападнаго фронта, они также совершили цѣлый рядъ подвиговъ и теперь соединились съ добровольцами.

Армія отдохнула, пополнилась, реорганизовалась, получила снабженіе и, въ іюнѣ 1918 г. вновь двинулась уже во второй Кубанскій походъ.

Снова одинъ шелъ на десятерыхъ и билъ

ихъ; опять судьба арміи не разъ висѣла на волоскѣ.

Но участь Кубани была рѣшена.

3 августа добровольцы взяли Екатеринодаръ, а къ концу года отъ большевиковъ очищены были и Кубань и Терекъ и почти вся Донская область.

Армія достигла колоссальныхъ успѣховъ. Завоевали громадный плацдармъ. Союзники, тѣмъ временемъ, заняли Константинополь, вошли съ добровольцами въ непосредственныя сношенія и снабдили ихъ богатыми военными припасами.

Армію ожидало, казалось, великое будущее, но во внутренней жизни ея произошелъ крутой переломъ.

Назначено было гражданское правительство, и армія изъ добровольческой превратилась въ правительственную, — по набору, по принужденію.

Талантливый вождь арміи ген. Деникинъ утонулъ въ невѣдомой ему пучинѣ гражданскихъ дѣлъ.

Умеръ отъ непосильныхъ трудовъ великій патріотъ, основатель арміи, ген. Алексѣевъ; палъ смертью храбрыхъ легендарный витязь, надежда

арміи, ген. Марковъ; погибъ отъ ничтожной раны герой Дроздовскій и многіе, „иже съ ними“.

Пришли новые люди и запѣли старыя, губительныя пѣсни.

Потускнѣли свѣтлые идеалы трехцвѣтнаго знамени.

Исчезли импровизація и творчество; ихъ замѣнила рутина.

Добровольческая армія умерла, оставивъ наслѣдницѣ доблестное свое имя.

Миръ праху вашему, страстотерпцы!

———

Такъ перевелись на Руси богатыри.

———

Л. ПОЛОВЦОВЪ.

ACHEVÉ D'IMPRIMER
EN JUIN 1980
PAR JOSEPH FLOCH
MAITRE-IMPRIMEUR
A MAYENNE
N° 7168

КНИГИ НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЛЕВ»